

БРОНЕВОЙ

ИЛ
Я
ТЁ

Tanki Online

Илья Тё
Броневой

«ЭКСМО»

2015

Тё И.

Броневой / И. Тё — «Эксмо», 2015 — (Tanki Online)

Третья книга литературного проекта на основе популярной онлайн-игры TANKI ONLINE! В конце XXI века в результате глобальной ядерной войны все государства мира были разрушены. На смену им пришли территориальные Администрации. Слабая власть вынуждена опираться на бандитские кланы, чтобы поддерживать хоть какой-то порядок. В почти полностью разрушенном Новосибирске и его окрестностях царит бандитский беспредел. Главная сфера наживы – тотализатор. Самые большие прибыли приносят ставки в «Красных Танках Онлайн». Двадцатилетний Петр Малярский, чтобы отомстить за смерть друга и любимой девушки, решает принять в них участие, надеясь встретиться на поле боя со своими врагами лицом к лицу... Вернее – броня к броне...

Содержание

#Нуб	6
Рекогносцировка	6
Заказ	16
Помощь	26
Ночь	34
Мочилово	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Илья Тё Броневой

© Тё И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

#Нуб

Рекогносцировка

Серые тучи навевали дремоту. Растянувшись от горизонта до горизонта грязным покрывалом, низкие и тяжелые, они не предвещали ничего хорошего. Во всяком случае, случайному путешественнику, не дай бог оказавшемуся под ними на бескрайних просторах великой Сибирской равнины, стоило их остерегаться. Хотя, казалось бы, они могли грозить лишь скорым «весенним» дождичком. Но дождичком, как водится, холодным, злым и немного отравленным, как вся мать-природа в окружающем распрекрадном мире.

Над жухлой травой и мятым серо-бурым снегом весело хулиганил цепкий порывистый ветер, завывая и постанывая на изуродованных стенах руин, на краях снарядных воронок, покрытых льдом и застывшей мерзостью, на рваных остовах металлоконструкций и прочих останках почившего здесь огромного мегаполиса.

В центре описанного выше «трупа» населенного пункта возле дороги, напоминающей скорее месиво экскрементов, нежели федеральную трассу Е74, – каковой она, безусловно, продолжала считаться официально, – возвышалось некое сооружение, которое два возившихся в нем (и одновременно проживавших) странных индивида звали не иначе как «наш ангар».

В некотором смысле «наш ангар» представлял собой прямое наследие малого аэропорта на окраине уничтоженного прошлым Новосибирска. Еще до минувшей войны часть его хозяйственных построек переделали под ремонтные боксы для грузовой техники, склады и прочую хренотень – равно как разбомбленный а-ля Дрезден-1945 знаменитый аэропорт Толмачево. Целых зданий к концу войны оставалось мало (бомбили, сволочи, от души), и аэропорты, как наиболее защищенные ПРО и ПВО объекты минобороны, использовались войсками даже для размещения штабов. Впрочем, в финале возни с налетами и зенитками малый новосибирский аэропорт все же получил свою «порцию» – в виде гигантской авиационной воронки. Инфраструктура, соответственно, накрылась. За исключением пары зданий на окраинах. Включая – о да! – «наш ангар».

Двух индивидов, составлявших население «нашего ангара», или, все привыкли говорить, «наш-ангара», звали до примитивности просто: Калмыш и Малярыйкин, о чем недвусмысленно вещала обшарпанная вывеска над ржавыми воротами заведения. Чуть ниже вывеска дополнялась еще одной искрометной фразой – «т-е-х-о-б-с-л-у-ж-и-в-а-н-и-е & т-ю-н-и-н-г», но более мелкими буквами и криво. Синергичность нижней надписи не являлась простым совпадением. Калмыш занимался ТО, а Малярыйкин, соответственно, тюнингом. Это были вроде как их вторые фамилии. Типа тех, что женщины в мусульманской Франции получают после лишения девственности, а мужчины в православной Африке – по вступлении в бедуинский ганг.

По завершении войны на развалинах города, в котором до ковровых бомбардировок проживало сорок миллионов человек, выжили только те, кто сильно не хотелдохнуть. И был готов для этого вкалывать, словно накачанный героином мул. Останков техники вокруг было полно: трупы подбитых танков и вертолетов, машины военные и гражданские, битые и поломанные, груды металлолома, пластика, ржавых и изувеченных взрывами стволов, останков бытовой и офисной техники, мебели со встроенными электронными чипами и прочей лабуды. И эта лабуда не обходилась без навороченной электроники, а человечество среди высоких технических достижений, по странной иронии, отходило в конце двадцать первого века на тот свет. Словно по смеху величайшего из комиков, господа Бога, люди перед массовым выми-

ранием наострились делать самые сложные и дорогие в истории человечества технические «примочки».

Основывая свой бизнес именно на этом неисчерпаемом стратегическом ресурсе – гигантских руинах, – множество технически грамотных людей после Войны-Смерть взялись за работу, зарабатывая себе на хлеб и попутно восстанавливая почти утраченную людскую цивилизацию.

Именно к таким гордым, но обреченным восстановителям утраченного относились оба совладельца мастерской «Калмыш & Малярыйкин». Первого из них звали на самом деле вовсе не Калмыш, а совершенно обыденно – Константин Алексеевич Калмышев. Калмыш – своего рода производное от совмещения имени и фамилии. Пытливый ум, зоркий взгляд и способность «оживлять механику» позволяли этому уникальному, но слегка чудаковатому индивиду чинить и оживлять современные молодежные игрушки – настраивать моторы, собирать самоходные аппараты и даже создавать настоящее гоночное оружие – бронированные мотоциклы с пиками и таранами для диких уличных разборок. С заказчиками проблем не возникало – в мире, где клубы и кинофильмы тихо скончались, а за наркотики в прямом смысле рубили башку без всякого суда, основным увлечением молодежи стала брутальная уличная техника. Точнее – гонки и схватки с ее использованием. А также, конечно, понты ее обладателей.

Примерно здесь (на понтах) свой законный пост занимал давний приятель Калмыша, старина Малярыйкин. Художник, творец и любитель нечастой выпивки. Общеизвестного, как у Калмыша, прозвища у него не было. Ибо парень сильно не вышел лицом. Большинство прозвищ, которые к нему прилипали, были либо оскорбительными, либо оскорбительными ужасно. По этой причине окружающие величали его грубо по фамилии. И только напарник иногда позволял себе называть товарища Маляром. То ли издеваясь, то ли из крайнего уважения к искусству.

Надо признать, при всей своей невнятной, даже отталкивающей внешности талант к красоте у Маляра был от Бога.

Петюня Малярыйкин был ростиком в три с половиной табуретки, с рябой страшной харей и косоватыми глазками, битым носом, взлохмаченной белобрысой шевелюрой и прочими достоинствами гаражного мачо. Однако, когда речь заходила *об истинной красоте*, равных Маляру отыскать было невозможно. Тачки и байки, выходившие из-под кисти Пети Малярыйкина, оказывались не просто прекрасными – БОЖЕСТВЕННЫМИ. Серые полуржавые монстры, грустно заползавшие в «наш ангар» на авторемонт и тюнинг, выходили оттуда покрытые арабской вязью и рунами. На них расцветали фантастические цветы и пейзажи. Парили драконы и единороги. Кралась за добычей белые медведи и африканские львы! Все это Маляр создавал без компьютера и графических программ – собственными руками, талантом и самогоном. В нынешнем бесцветном серо-буро-малиновом веке, на бесконечных равнинах планеты-помойки Маляр стал почти единственным гением, создававшим прекрасное среди ужасного, чудное среди жуткого, живое среди руин.

Собственно, в основном из-за Малярыйкина в мастерню двух приятелей тянулись заказчики от заобских окраин до центральных кварталов сдохшей и разлагавшейся столицы Сибири.

В отличие от криворожего напарника, Калмыш, напротив, имел рожу симпатичную, а с творчеством – отношения сложные. Ибо считал, что механик подобен трактору, и лишь тот, кто пашет с утра до вечера, способен добиться в этой печальной профессии непечального результата.

Впрочем, в данный конкретный вечер, испорченный, как поминалось выше, мрачностью туч и ожиданием мерзкого ливня, Калмыш возился с явлением не вполне заурядным, творческим и даже, можно сказать, требовавшим от него частицы креативного осмысления. На столе под руками мастера сопел и постанывал *аквапиновый двигатель*, тот самый, что использовался в основном за пределами руинированного Новосиба-Наукограда в далеком процветаю-

щем Киеве, Берлине и прочих мировых притонах. Мерный гул ультрасовременного движка усыплял уставшего за день техника, продолжавшего затягивать установочные болты на раме агрегата. Основная работа, требовавшая участия интеллекта, была сделана, и сейчас Калмыш ковырялся сугубо на автомате, выполняя механические действия, почти не участвуя в них разумом. Шума от работающей модели было немного. Особенно если сравнивать с углеводородными моторами прошлых столетий. Равномерное гудение навевало тягостную дремоту. Калмыш клевал носом, то и дело рискуя упасть на собственный стол с уникальным силовым агрегатом и выронить отвертку. В промежутках между носовым заныриванием в сторону акватинового движка пацану снилось море, которое он никогда не видел, мамуля и батя (неизвестные даже в большей степени, нежели море), а также прочие захватывающие интригующие объекты.

Калмыша из сна вырвал крик.

– Костян, что, опять задрых?! Сейчас обварит тя, придурок, как в прошлый раз! Не спать! – проорал Петя Малярский, вваливаясь в ангар с лопатой наперевес, словно с винтарем в бою. На что имел право. Снег, который соскребали с подъездной дорожки всю зиму, слежался вперемежку с копотью, отработкой, прочим дерьмом и сейчас стал твердый, как деревяшка. Нежной девоньке Весне эта субстанция поддавалась мало. Однако лому и лопате – вполне. Поскольку талый снег содержал изрядную долю всякой отравы, Маляр, как всякий эмоционально-творческий человек, долбил его последние дни просто остервенело. И на тачке отвозил подальше от дверей. Дабы испарения, понимаешь, не скапливались в ядовитые лужицы.

Калмыш открыл правый глаз и вяло помахал рукой. На крики напарничка ему было давно и убедительно наложить. Однажды, конечно, его обварило кипящим тосолом, но то было давно (почти год назад, ух – вечность!) и был он тогда зеленый. В отличие от тосола температура кипящего и булькающего акватина, насколько Костя сам установил опытным путем, не превышала шестидесяти градусов. То есть обжечься и обвариться нереально при всем желании, поскольку акватин не кипел, а словно бы только изображал кипение – испарялся, впитывался и все такое.

Интересно, но выхлопная система у акватиновых конструкторов отсутствовала напрочь, создавая замкнутый на девяносто восемь процентов контур, от КПД которого у Малярского головной мозг закручивался в спинной. Как говорится, «Аве!» умникам ВТЭК¹. Чтобы сдохли все, не болели. Прикол с «умниками» состоял в том, что ученые научного департамента ВТЭК, запуская в народ массовое производство акватина, рассчитывали сохранить ноу-хау. Но не смогли. Больно ушлый народ выжил в Сибири после Войны-Смерть – неушлые-то систематически помирали! Посему Калмыш полагал, что скоро акватин станет дешевле воды, Маляр упорно доказывал обратное. Ну а пока...

Пока Калмыш потер сонные глаза.

– Нормально все будет, Петя, – просипел он задумчиво. – Законы физики, братюнь, никто не отменял.

– Да че мне твоя физика? – Малярский оставил лопату, стянул свитер через голову и закинул на полку. – Время много теряешь, братюнь, возишься с этой хреновиной. Думаешь, акватин твой хваленый в частных мастернях надолго задержится? ВТЭК все обратно к грязным ручкам приберет, вот увидишь. Даю пару месяцев, не больше. Серьезно, Кот! Скоро будем закапывать этот твой хваленый акватиновый движок, пока полицаи по темени сапогами не наступали. Причем закапывать с ремкомплектком. А я говорил тебе: не бери эту хрень новомодную. Не бери!

– Пока сволочи из ВТЭК все оформят, времени пройдет, братюнь, – возразил Кот. – Люди поймут, что акватин полезен, а делается легко. Что еще надо для пиратского производства?

¹ Всемирная топливно-энергетическая корпорация. – Здесь и далее примеч. автора.

Только меньше шлюх на улицах, чтобы не отвлекали. И больше самогона, чтобы реже из дома выходить.

Малярский дебильную шуточку пропустил мимо ушей. После тяжелого физического труда, который, как известно, ни хрена не облагораживает, он был злой.

– Лучше бы танком своим занялся, – выцедил художник. – Который месяц Нике обещаешь? И чего?

Калмышу нечего было возразить. Посему, тяжело вздохнув (сон резко сгинул), он принялся с усердием ковырять ультрасовременный движок.

Помянутая Малярским мадемуазель Ника (между прочим, *женщина* – редкий конструкт для вшивой мастерни на окраине города) являлась третьим субъектом, весьма часто обретавшимся на территории «наш-ангара». И даже, в некотором смысле, будущим совладельцем.

Тому было две причины. Во-первых, Ника отлично ладила с техникой. Была не просто женщиной, но механиком. А во-вторых, была умна, миловидна, спортивно сложена и умеренно болтлива. То есть чудо как хороша! Надо упомянуть, что между двумя приятелями, возможно, из-за внешних данных Калмыша и почти явного уродства Маляра, имелось еще одно различие – к ним по-разному относились дамы. Упомянутая красотка Ника более года являлась девушкой и сожительницей г-на Калмыша. И, соответственно, – потенциальным третьим партнером «наш-ангара». А вот Малярский женским вниманием был обделен совершенно. Причем, насколько знал Калмыш, с самого рождения.

Говоря откровенно, Малярский был не виноват. В Центральной Сибири после долгих, а главное, по-настоящему *страшных* Серых десятилетий сороковых-девяностых годов двадцать первого века детей, осиротевших, брошенных и проданных за еду, оказалось больше, чем детей обычных, «семейных». Остатки, а лучше сказать, останки государственной машины проявляли себя в этом полубандитском регионе необычайно скромно, в основном – в форме отдельных *акций* Специальных Полицейских Сил либо отдельных *делок* Совета Директоров ВТЭК, деятельность которых (и тех и других) носила, признаваясь честно, весьма узкоспецифический характер. Соответственно, помимо отдельных вспышек активности СПС и ВТЭК бал повсюду правили мафиозные кланы и всепожирающая анархия. Люди, уставшие от беспредела, иногда создавали силы самообороны, но это имело смысл только в отдаленных селах, далеко в тайге. Ближе к центру Новосибирска вместе с ростом численности уцелевшего населения росла и сплоченность банд, доводивших беззащитных жителей грабежами и мародерством порой до полного отчаяния.

Впрочем, в последние годы ситуация, по мнению Малярского (и Калмыша, согласного с товарищем почти во всем и всегда), стала улучшаться. СПС присутствовали в центральных столичных дистриктах постоянно. Между бандами произошло относительно стабильное распределение районов и территорий. Грабежи сменились «налогообложением», пусть тяжким, но все-таки упорядоченным. Немотивированные пытки и убийства жителей по-прежнему происходили, обрастая в слухах жуткими подробностями. Однако бояться собственной тени местные обыватели отучились, воспринимая бандитов уже не как головорезов, но как официальную власть. В большинстве случаев так и было – банды, закрепившиеся в районах, нанимались Полицейскими Силами в качестве «добровольных групп самообороны» либо местных «администраций». Порядок устраивал всех. Под такой уголовно-легитимной крышей вокруг разрушенного войной мегаполиса начинали заново зацветать торговля, ремесла, даже искусство – как минимум вроде рулетки и проституции. А также, разумеется, автотюнинг и авторемонт.

На общей волне экономического роста дела у автомастерской «Калмыш & Малярский» в целом шли неплохо. На хлеб хватало, на сало тоже. Калмыш и Маляр даже начинали задумываться о чем-то большем и даже – невероятно, кабы их спросили три года назад, – пробовали мечтать!

Маляр, например, мечтал о расширении. Заасфальтировать подъездные пути перед ангаром, починить кровлю над руинированными зданиями вокруг, поставить настоящую покрасочную камеру, новые подъемники, трапы, закупить гидравлический кран и инверторный сварочник, генератор киловатт на сорок, лебедки, электроинструмент... В общем, зажить. Еще Маляр мечтал о бабах. Таких, например, как Ника. В смысле, таких замечательных и волшебных. С такими же занимательными ногами, с такой же трогательной грудью и, конечно, всеми иными техническими наворотами, гаджетами и примочками, которыми снабдил бабье тело самый главный во вселенной механик.

Ника, в отличие от криворожего автомастера, мечтала о свадьбе. Разумеется, с туповатым красавцем Калмышем. Еще она мечтала о большом доме, который можно поставить рядом с «наш-ангаром» так, чтобы он, в отличие от мастерни, не был обезображен копотью, запахом и пятнами машинного масла, мазута, пота... и, к слову сказать, внешним видом товарища Маляр-рийкина, к которому Ника относилась с уважением, но которого терпеть не могла.

Все это были цветочки. Самым главным мечтателем в «наш-ангаре», как ни странно, являлся гениальный и немного туповатый романтик Калмыш. Он хотел проявить себя совсем не в высоком искусстве расписывания байков, и Маляррийкину он совсем не завидовал. Ибо, сколько бы поклонников ни было у картин Маляра, умы местной молодежи покоряли вовсе не байки. И не картины. И даже не бабы.

Это были «Танки Онлайн».

* * *

«Красные Танки Онлайн» (сокращенно – «КТО») – представляли собой специфическую разновидность развеселой игры, тяжелого спорта, гнусных гладиаторских боев и мощнейшего тотализатора одновременно. Но главное – там делались *деньги*. Последний фактор являлся для дикой, сумасшедшей, пьяной и жадной бандитской Сибири определяющим.

Сражения в «Красных Танках Онлайн» считались *более рискованными*, нежели во «Всемирных Танках Онлайн» (сокращенно – «ВТО»). В силу целого ряда причин, но прежде всего – из-за отсутствия аватаров. В «Красных Танках» за рычаги и педали боевой машины садился лично игрок – живой человек, боец, придурок, герой, поп-звезда и камикадзе.

Соответственно, орудия других танков-игроков лупили не просто по бронированной машине. А по живому идиоту из костей и мяса.

И местная, «пробандитски настроенная» нищая молодежь, питавшая явную слабость к подвигам, совмещенным с суицидом, преклонялась прежде всего перед «КТО».

Пожалуй, Маляр – вообще единственный пацан их возраста, который не стал фанатом «Танков». А вот Калмыш, с которым они вместе росли, дрались, делили все поражения и победы, а потом стали делить все тяготы содержания автомастерской, просто «умирал» от игры «Красные Танки Онлайн». Герои-танкисты были его кумирами. Калмышев спал и видел себя *иг-ро-ком*.

Маляр пытался сдерживать приятеля, но напрасно. От танкового сражения и «цинковой кровати» Калмышу удерживало не авторитетное мнение старого корефана, а лишь отсутствие денег. Оно, бабло, как известно, остро необходимо для покупки или найма хорошей машины. Быть «игроком взаимы», а значит, выползти на локацию в стандартной броне с минимальной комплектацией – означало стремительно сдохнуть. Становиться «пушечным мясом» Калмыш, сохраняя остатки разума, не желал. И вот, вкалывая в мастерской как черти, и днем, и ночью, и круглый год, друзья упорно копили лаве. На лучшую долю, которую каждый понимал по-своему. Маляр собирал на новые ремонтные прибабасы, Ника – на дом и свадьбу, а Калмыш – на лучшую боевую машину, которую когда-либо видел свет. Во всяком случае, по его собственному мнению автомеханика.

Танк у Маляра и Калмыша уже был. Причем далеко не первый и не единственный. Свою *первую* древнюю бронированную машину «Калмыш энд Малярыйкин» смастерили из остовов подбитых образцов еще три года назад. И продали. Затем собрали еще одну. И снова продали. И еще. И еще.

Дело заключалось в том, что в игре «КТО» существовало правило: новобранцы с деньгами заходят в локацию на собственной машине. Новобранцы-лохи – на бесплатной машине «Красных Танков». Обычно в качестве таковой выступал легкобронированный «Васп» первого поколения со старым добрым орудием «Смоки».

Подобный отважный, но откровенно идиотский «подвиг» заканчивался летально для большинства новичков без навыков и опыта. Программа бесплатного предоставления машин крэизи-добровольцам была заточена именно *под это*. Ведь чемпионам и профессионалам необходимо демонстрировать свое убийственное мастерство на ком-то живом.

Вот тут в дело игодились танки, собранные Калмышем энд Маляром. Машины двух приятелей существенно отличались от «стандарта». В лучшую сторону. При этом они были относительно дешевы, поскольку собирались из подручного материала, вручную. Это давало обращающимся в «наш-ангар» новичкам хотя бы видимость шанса не сдохнуть в первом бою.

Однако Калмыш энд Малярыйкин собирали танки редко. Дело это было многотрудное, лаве особо не приносило. Покупатели с деньгами предпочитали другие, более именитые конторы. А покупатели-новобранцы, которые восхищались продукцией «наш-ангара» и были готовы покупать его самосборные – или сумасбродные – шедевры пачками, не имели денег по определению. Калмыш занимался сборкой танков из помоечных корпусов исключительно ради опыта. А Малярыйкин – исключительно ради дружбы. Пусть и с матерной руганью, но с тем глубоким удовлетворением, которое можно получить, только бесплатно занимаясь какой-нибудь абсолютной хренью по просьбе близкого человека. Как бы ни было, до сего момента друзья жили и работали вместе – радостно и упорно. А будущее, простиравшееся перед ними от кончиков кроссовок до самого дальнего края убегающего в бесконечность предрассветного горизонта, вырисовывалось только в самых радужных красках...

Пока Малярыйкин вспоминал прошлое, шастая по кухне и пытаясь отыскать любимую латунную кружку, небо над «наш-ангаром» стало совсем темным. К полудню близко, а чуть не полночь. И тишина. Время перед грозой поражало Малярыйкина как раз отсутствием звуков, словно бы природа старалась затаиться, спрятаться. Притвориться беззвучной и бездыханной, перед тем как разразиться громом и блеском молний. Однако через распахнутое окно... тишину в этот раз резал ножичком тонкий далекий звук, который Маляру как механику не узнать было невозможно.

– А ну-ка тихо, братюнь, – спокойно произнес Маляр, превращаясь в слух. – Кажется, гости к нам. Чуешь, Кот?

Кот нахмурился. Он чуял. Звук вполне отчетливый, если не перебивать его разговором. В следующее мгновение пацаны выскочили под крытый навес перед «наш-ангаром» и внимательно вгляделись в дорогу. Со стороны центра по вязкой, искореженной ленте трассы к их мастерне приближалась белая точка света, отчетливо заметная на фоне темной, сгущающейся непогоды, но все же едва различимая из-за расстояния.

Точка прыгала и дергалась. При этом не расплзалась в ширину, что было характерно для парной оптики автомобилей и броневигов.

– Мотоцикл, – сделал вывод Калмыш. – И дождик ему нипочем.

– Или «Рысь», – поправил его Маляр.

Восьмиколесный монстр RS-100 (между прочим, южноафриканского производства концерна IVEMA² – как раз для Сибири, недалеко же), в простонародье именуемый Рыськой, мог

² Интернэшнл Вехикл энд Эквипмент Маркетинг.

по горам лазить, не только по распутию. Из передней оптики «Рысь» оснащалась единственным прожектором. Правда, мощным. Издалека, с перепою или при плохой видимости, можно было спутать с мотоциклом. Правда, с большим. С четырьмя ездоками – двумя в первом ряду и двумя во втором. А также с кофемолкой³ на высоком станке в середине рамы.

– Похоже, кто-то серьезный, – высказал общую мысль Маляр, с тоской вспоминая так спокойно начавшееся утро, лопату, снег, их с приятелем привычный гундеж.

– Может, к нам? Может, клиент? – тут же спросил Калмыш.

– Может, и к нам. Может, и клиент. Только погодка нелетная для заказа, не находишь?

С этими словами Малярский привычно кивнул товарищу на станок возле стены ангара, под столешкой которого прятались обрезы.

Особенностью ведения бизнеса на окраине было то, что любой проезжий мог стать клиентом их мастерской и принести деньги. А мог вынести обоим мозг – ради пары тапок. В памяти Малярского были очень свежи эпизоды, когда непрошенных гостей гнали не только матом, но и вышибанием мозга крупной дробью. Эпизоды были свежи настолько, что приходили к Маляру ночью, вместо кино.

Тем временем восьмиколесное одноглазое чудовище приближалось. «Рысь» считалась вездеходом, но вездеходом шустрым. Могла шпарить по трассе, выжимая сотню в час. Но могла и по болоту. Тоже без особых трудностей. В данный момент оба возможных полигона ходовых испытаний «Рыси» как бы совместились – агрегат пер по дороге, но старой, сильно искореженной. Мчался быстро.

«Рысь» также считалась броневиком. Определение это (в отличие от внедорожника) было дано с натяжкой. Броневого лист прикрывал машинку спереди и с боков, оставляя крышу и корму без защиты. Лобовой лист сберегал от пуль до 30-го калибра включительно. Боковой от силы держал 7,62. Для реальной войны – ничто. Для примитивных бандитских разборок – круто запредельно. Диким нищebroдам вроде Калмышы с Малярским такая машинка казалась кошмаром наяву, внушала уважение и ужас. Не танк, конечно, но закопать роту в чернозем при определенном раскладе способна. Да и зачем нам танк? В серьезном бою с серьезно настроенной пехотой – а Малярский видывал в жизни многое – танки горели как свечи. Мочить слабовооруженных «мирных жителей» бандитам как раз сподручней на более легкой технике. Маневренной. И оснащенной не артиллерийским орудием, а скорострельным пулеметом.

Как и ожидал автомастер, над лобовым стеклом «Рыси» болтался, как резиновый, ствол помянутой кофемолочки – ею оказался совковый «Утес». Древний, но убедительный. В мире обрезов, двустволок и помповух – натуральный бог войны.

«Принесло же буржуев, – со злостью подумал Малярский, немного растерянно потирая свою двустволку-пенсионерку. – Нашпигуют свинцом, заберут все, что глянется. Остальное спялят. И дальше поедут. Сволочи».

Могут так сделать, во всяком случае. Во всяком случае, *раньше* могли. Сейчас за такое вешали. Если находили, кого. Говоря откровенно, Маляр уже не знал, чего хочет больше: чтобы гости промчались мимо, увозя с собой необходимость что-то делать, говорить, думать и обещаать, либо чтобы это был клиент, с которым придется сейчас заниматься (в том числе стрелять, если вдруг грабитель), но зато потом поймать бабла.

«Все эта погода», – снова раздраженно подумал Малярский. Обычно они с Калмышем были рады каждому проезжающему. Обрезы готовили всегда, но такой уж сложилась местная традиция. К слову сказать, незнакомые путешественники, проскакивающие мимо их мастерни впервые, также готовили оружие. Привычно. В «наш-ангаре», равно как в любом обитаемом и необитаемом придорожном здании, незнакомцев могла ожидать засада, свинец, кровь, плен, пытки и смерть. В таком вот порядке.

³ Пулемет, любой.

На самом деле в последние годы в Сибири грабили не так часто, как можно было подумать после знакомства со здешним бандитским режимом. Но каждый добропорядочный гражданин сознавал – одной неудачной пули ему хватит навсегда. А часто или не часто это случается с кем-то другим – вопрос глупый. Ведь с тобой лично это случится лишь однажды.

«Рысь» между тем уже въезжала на парковку ангара.

Посадка в машине полная – все четыре места заняты, сквозь лобовое стекло отчетливо видны силуэты. Двое с заднего ряда вышли из машины быстрее. Третий – с места пилота-водителя – менее расторопно. Даже, подумал Малярийкин, вальяжно. Начальник, видать. Главный по мочилову. Или по экспроприации. Или по заказам в авторемонте. Это как поперет. Неизвестно почему, но Малярийкин кишкой чуял, что сегодня у них с Калмышем поперет не очень.

Об особом статусе водителя «Рыси» говорила и экипировка. Двое молодчиков с заднего сиденья щеголяли в заношенном цифровом камуфляже. Как и Калмыш с Маляром. Как и большинство местных жителей мужского пола и сибирской национальности. А вот водила «Рыси» щеголял в куртке, роскошной до безобразия. Кожаной и с нашивками. «Пижон», – заключил Маляр.

Нашивки Маляру были непонятны. Кажется, среди элементов преобладали кресты. «Нацик, что ли?» – подумал Малярийкин. Но тут же эту мысль отставил – ему было наплевать на идеологические заморочки клиентов, гостей, а уже тем более возможных противников в перестрелке.

Сама за себя говорила еще одна деталь. Двое с заднего ряда, вытащив задницы из кабины, демонстративно перекинули через плечи штурмовые винтовки. Винтовочки были зачетные, америкошные. Если Малярийкин не ошибался – а он редко ошибался на этот счет, – винтари были системы булл-пап⁴ модели М-27v («Victory»), в простонародье именуемые «девочками» или «Виками». «Виками» их именовали понятно почему, а вот «девками» – за нежность. Оружие обладало великолепными ТТХ, однако было чрезвычайно капризным до грязи, копоти, мороза, плохого ухода и вообще некуртуазного обращения.

По указанной причине «Вика» была типичной, например, для батальона службы Вневедомственной охраны СПС. Еще, например, для педерастов из некоторых служб безопасности ВТЭК. Но не для бандюков.

Тем более дерзко на сем беспонтово-понтоватом фоне выглядела нарочитая безоружность водителя в кожаной куртке. Он топал даже без пистолета. Охренительно круто. Малярийкин повернулся к гостям бочком и аккуратно сплюнул – так, чтобы это не выглядело оскорблением, но в то же время чтобы избавиться от возникшего вдруг кислого ощущения брезгливости.

Собственно, гораздо больше понта приближающейся *троицы* Малярийкина беспокоил *четвертый* бандерлог, оставшийся в «Рыси». «Интересно, че делает? – заинтересовался Маляр. – Небось к очку пулемета правой глазкой прилегает. Вот те и весь кордебалет, братюнь. Не дернешься».

Рожа у водителя в куртке была сильно знакомая. Мужик невысокий (чуть выше Малярийкина, если честно, то есть почти карлик), полностью седой, с пышными гусарскими усами, слегка закрученными на древнеидиотский манер.

Взгляд наглый. Уверенный.

Плечи широкие. Можно сказать, атлетические.

Толстые короткие пальцы на крупных ладонях.

Значок на груди – латунный щиток, алое поле. На поле – латунный танк. Маляр нахмурился. Эмблему он знал.

⁴ Конструкция штурмовой винтовки, при которой спусковой крючок вынесен вперед и расположен перед магазином. Позволяет существенно уменьшить длину оружия без сокращения длины ствола.

– Калмыш и Малярйкин вы, что ли? – без обиняков спросил незнакомец в куртке, останавливаясь и прерывая резким голосом размышления автомеха.

Маляр и Калмыш переглянулись. На первый взгляд залетные господа агрессивность не проявляли. «Девушки» висят на ремнях за спинами. Чувак по фамилиям спрашивает. Все гут. Стволы обрезов вежливо опустились.

– Ну, Маляр который из вас? – продолжал упорствовать незнакомец.

– Ну, я, – пробубнил Малярйкин, нехорошо поглядывая на спутников усатого. Их автоматы его все же беспокоили.

– А Калмыш который?

– Ну, я, – брякнул Калмыш. – А сами-то вы кто?

Усатый в куртке протянул руку.

– Шапронов! – многозначительно сказал он. – Боец «КТО». Командор. Некоторые незнакомые и недалновидные люди называют меня невежливо – Шапрон. Подобных гоблинов мои ребята приобщают к дипломатической культуре путем ломания морды. Впрочем, Шапроном меня иногда зовут друзья. Остальные обращаются проще: товарищ Шапронов. Слыхали, может?

Маляр и Калмыш переглянулись снова. Ага, видать, с памятью еще не совсем беда.

– Слыхали, конечно, – сказал Маляр, протягивая ладонь в ответ. – Да и узнали. Хотя с трудом. Вас редко без шлемофона показывают. Зато эмблема ваша на щитке. Хочешь – не забудешь.

Калмыш в отличие от напарника сразу как-то расслабился и заулыбался. Демонстративно закинул обрез на плечо, большой палец вернул взведенный предохранитель в безопасное положение. Потом тоже протянул руку для рукопожатия.

– Вы же чемпион «КТО», верно? – сказал Калмыш, в свою очередь пожимая протянутую ладонь гостя вслед за напарником. – Не считите за наглость, но я видел все ваши бои. Во всяком случае, за последние три года.

– Отлично. Так у меня здесь фанат?

– Можно и так сказать. Так вы зачем к нам зарулили, товарищ Шапронов? Надо чего-то?

– Нет, поглазеть на вас приехал, убогие, – блеснул зубами Шапронов. – Надо, конечно. Ходит слух по столице, будто живут у меня на северной помойке не спецы, а чудо. Скромные, но рукастые. Особенно, бачут, есть такой Маляр. Рисует что твой Ван Гог.

– А чего сразу Ван Гог-то? – огрызнулся «Ван Гог». – Делаем, что можем. На чужое не заримся. С голоду недохнем.

– И денег никому не должны?

Малярйкин нахмурился больше. Трындеть с бандюками про «воздух»⁵ (а чемпион «КТО» не мог не иметь отношений с бандитами) – последнее дело. Примета такая. Народная. Подтверждали ее и двое сопровождавших Шапронова индивида. Не глядя особо на Малярйкина и не обращая внимания на вроде дружелюбный поворот беседы, они хамовато шарили взглядами по мастерне. Будто, кроме них, тут не было никого.

– Никому вроде не должны, – осторожно ответил Малярйкин. – С прошлого месяца, слава богу. Налог в администрацию уплачен полностью. Где баблом, где работой – так, починяли кой-чего.

– Халтурите, значит. Расчет натурой. Это нормально. – Усатый усмехнулся, видя страх в глаза собеседника. – Нормально, что починяли. Молодца! Да ты не бзди, Ван Гог. Мы к тебе правда за делом. А вот, кажется, и дело!

Шапронов поднял указательный палец, требуя тишины.

⁵ «Воздух» – деньги (сленг).

– Ай! Вижу, не зря я время потратил! Слышу... необычный звук. Провалиться мне на месте, если это не акватиновый движок. Таких в центре пара десятков, а чтобы на окраину залетел, так вовсе невидаль. Да-а, не просто так мне про вас воробьи нашептали... Откуда обновка?

– Вы про акватин? Ч-черт. Этот конструкт у нас два месяца уже, – без особой охоты пояснил Малярыйкин. – Вовсе не обновка. И это... Он не краденый. И не заемный. Мы с Калмышем *купили* его. Что, с движком есть проблемы?

– Ну, купили так купили. Вообще, что купили, а не лабораторию ВТЭК ломанули, это понятно. А есть ли *проблемы*? Это ты мне скажи, Ван Гог. Акватин скоро будет запрещен, это всем известно. И официально никогда не продавался. Это тоже известно. Что вы купили – верю. Вот только как купить то, что не продается?

Малярыйкин с Калмышем растерялись. Что тут возразишь? Половина сделок в Сибири были чернушными и в фискальном учете местных администраций никак не отражались. Усатый хмыкнул в усы, потом примирительно поднял руки.

– Я же сказал: не бзди! – успокоил он. – Мы не полиция и не отморозки. Объясню. Акватиновые генераторы выпущены ВТЭК в продажу неофициально. В центре города, например, в танковых мастерских Скайбокса их собирают специалисты из корпоративных лабораторий, в основном те, кто проходил обучение непосредственно в институте альтернативной энергетики ВТЭК. Это скука. Людей обучали собирать такие генераторы – они собирают... Тут я узнаю, что на окраинах водятся умельцы, способные сшарашить подобный конструкт самостоятельно. Не проходя обучение, не имея образования. На глазок. Конкретно в вашем районе зафиксирована продажа как минимум трех акватиновых комплектов. Для дикой окраины это очень много, поверь. Ученые ВТЭК, наверно, охреневают от таких известий. И от злобы надуваются. В общем, сегодня мы проехали по всем трем указанным адресам. И – о чудо! – звук работающего двигателя я слышу только в вашей, хомяки, убогой мастерне... Из этого вытекает ответ на мой первый вопрос: спецы с золотыми руками на северной окраине действительно пасутся. Увы или к счастью, но только здесь! А вопрос у меня один: продайте мне эту хрень, пацаны. Есть у меня э-э... заказчик!

С этими словами Шапрон повернулся к оставленной им «Рыси» и нетерпеливо махнул рукой. Тонированное стекло переднего ряда медленно опустилось.

Малярыйкин крикнул.

Четвертым гостем в бронированном аппарате был вовсе не пулеметчик.

Заказ

Сутки спустя, с нетерпением ожидая шапроновского «заказчика», Малярийкин проснулся рано. Не то чтобы проснулся – сон сгинул сам. Все было хорошо, замечательно, ясно, круто. Маячило бабло. Но Маляр чувствовал в этой возне с продажей акватина и новым охренительным суперзаказом некий жуткий, издевательский подвох. Словно бы свербило в мозгу непонятно что. А может, и не в мозгу вовсе. А пониже.

«Не бзди!» – заверил Малярийкина Шапрон. «Не волнуйся ты!» – упорно твердил напарник Калмыш. Но Маляр, что называется, бздил. И бздил конкретно. Признаков приближающегося кидалова не было никаких. Разве что самые поверхностные и мимолетные. И необычные. Вот в этом и состоял весь прикол.

Четвертым спутником Шапронова, тем самым, который остался в машине, когда Шапрон и два его телохранителя выползли из кабины, оказалась *баба*. К огромному удивлению Калмыша с Маляром. Точнее – к охренительному шоку.

Даже появление Ники на окраинах города, в «наш-ангаре» было подобно отрывке святого Петра за столом на тайной вечере. Появление же еще одной «леди» было явлением просто из ряда вон. Конечно, женщин на окраинах Новосибира, в принципе, хватало. В основном это были шлюхи из различных скотских заведений и «боевые» подстилки гангстеров, которых те таскали с собой на сходки и пользовали всем скопом, будто в большой любвеобильной шведской семье. Но вот *обычных женщин* – как и *обычных детей* – на окраинах не встречалось вовсе. Они либо жили в центре, в домах богатых и знаменитых (как породистые собачки), либо далеко в тайге в поселках колхозников – где нормальная семья еще сохранялась.

Шапрон, насколько догадался Малярийкин, был не просто одним из лидеров местных «КТО». Но и крупной фигурой в криминалитете. Причем во всем смысловом многообразии этого емкого слова внутри богатого контекста уголовной реальности новой Сибири. А контекст был простой. Бандиты рулили бизнесом. Бандиты рулили политикой. Говоря проще – бандиты рулили всем. Все, чем бандиты *не рулили*, было очерчено границами местных кладбищ и богаделен.

В общем, Малярийкин быстренько навел справки и без труда выяснил, что пресловутый «товарищ Шапронов» пользовался нешуточным авторитетом не только в районных бандах, но и в кабинетах ВТЭК. Это говорило о многом.

Сам Шапрон проживал в Скайбоксе – центральном районе разрушенного Новосибирска, расположенном на месте одного из старых пригородов. Новосибирск после Войны-Смерть представлял собой гигантский конгломерат сёл и деревень. По внешнему облику вполне современных – с руинированными небоскребами и многочисленными плазменными брэнд-мауэрами на стенах зданий, – но именно сёл и деревушек. С ничтожным количеством жителей. С ничтожным количеством предприятий и магазинов. Без власти. Почти без полиции. Доверху переполненных «гангстерским» (слово-то какое – импортное!) беспределом.

Среди этих поселений, разбросанных поверх разрушенного мегаполиса, словно бисер на асфальте (или куриный помет поверх большого свадебного пирога), Скайбокс выделялся особо. Для останков Новосибирска Скайбокс стал чем-то вроде лондонского Сити для Лондона. Центральным районом. Топом. Одновременно – независимым городком. Одновременно – олицетворением высшего богатства и роскоши, в том смысле, в котором его могло понимать только разоренное войной, голодающее население сибирской России, с грубо поправленным чувством национальной гордости, недоверием к правительству, деньгам, иностранцам, соседям, родственникам, дружбе, закону и даже к потенциально возможному в народном фольклоре светлому будущему. С острым ощущением случившейся страшной, неисправимой беды. Но при этом – с потрясающе громадным чувством преклонения перед всяким, имею-

щим власть или кучу денег. И одновременно, разумеется, – с откровенной ненавистью к нему же. Описать этот уровень роскоши нереально. Просто потому, что богатство местных новых сибирских баев было, возможно, и не таким потрясающим, как богатство миллиардеров начала века. Но расцветало оно на фоне фантазмагорической нищеты, уровень которой зашкаливал за самые смелые глюки антиутопистов. Короче, в Скайбоксе тусовалась *элита*.

Здесь же с комфортом размещались все те, кто был обязан эту элиту обслуживать. Или, напротив – все то, к чему указанная элита себя причисляла. В Скайбоксе располагались основные органы власти и управления – Администрация Южно-Сибирского территориального округа, например. А также департаменты Корпораций – пресловутого Центрально-Сибирского филиала ВТЭК, например. Здесь же были сконцентрированы основные букмекерские конторы, а также банки – те, что уцелели после войны-смертушки. А также коттеджи преуспевающих танкистов-игроков. А также дома крупных бизнесменов. А также элитные больницы. Элитные школы. Элитные офисы частных элитных контор. И прочее, и прочее. Того же рода, типа, вида, сорта и дерьмокачества.

Здесь проводилось и само шоу Танков. Локации были разбросаны в основном за границей «старого мегаполиса» Новосибирска. Но церемонии открытия и закрытия проводились именно здесь, в Скайбоксе. Именно отсюда по бескрайним селам и весям варварской, гангстерской Центральной Сибири – а лучше сказать, по экранам домашних и публичных стереовизоров – расплывалась над мозгами фанатов кровавенькая картинка игры «КТО».

Здесь жил Шапрон. И, вероятно, мало отличался от прочих счастливицков Скайбокса. Место проживания описывало характер и повадки чемпиона Танков. Поверхностно. Большого узнать о Шапроне Малярийкин не смог и не мог. Но даже то, что плавало на поверхности, говорило о многом.

Подруга Шапронова – та самая девушка, что приехала к ним в мастерню на боевой бронированной «Рыси», была под стать самому командору.

Для начала – звали ее Эленой. Эленой Прекрасной. Не Леной, не Ленкой и не Еленой. А именно так – Эленой, мать ее, Прекрасной.

Разумеется, это было погоняло.

Бандитское, как все привыкли. Погоняло было странным. Необычным. Нехарактерным. Оно было *те-ле-ви-зи-он-ным*.

Во-вторых, Элена была фантастически хороша. С точки зрения физиологии, разумеется, а не душевных качеств. О них Малярийкин судить пока не решался. Например, Ника, подруга Калмыша, тоже очень красива. Но если бы она стояла с Эленой рядом, Нику бы просто никто не увидел. Вот такая была разница.

Элена вышла из «Рыси» словно не из раскоряченного на дороге броневика, а из лимузина на красную дорожку в Каннах. Каждый жест – песня. Каждый поворот головы – взрыв. Каждый взгляд – выстрел. Взгляд Малярийкина скользил по ее ногам (а ножки, млять, были, сука, в чулках!!!), наверное, лет сто. И далее – в бесконечность.

Сказать, что она Маляра поразила – значит, не сказать ничего. И он знал ее – вот что важно. Знал, как знал самого Шапрона. Элена Прекрасная была ведущей «Танков Онлайн». Конкретно – местных кровавых «КТО». Роскошная женщина, мечта поэта. Бизнес-леди, лопающаяся от бабла. Преуспевающая телеведущая, секс-бомба, унитазная икона половины она-нистов Сибири.

По стереовизору девочка создавала благоприятное впечатление. Такое доброе. Она знала все обо всем, общалась с легкостью как с элитой общества, так и с уголовниками-бандитами (если, конечно, между ними существовала какая-то разница), но при этом была крайне мила, интеллигентна, общительна, дружелюбна. Умна. Чертовски умна и говорлива.

В отличие от нее, Шапрон, когда его показывали по стерео (действительно, почти постоянно в гермошлеме и комбезе – типа реальный крутой танкист, он и спит так, и пьет, и девок

жарит), был обычно сдержан, молчалив и довольно замкнут. Оживлялся, только когда речь шла о танках, играх, локациях и вообще мочилове. Специализация такая. Суровый, понимаешь, брутал. Стальные яйца с молибденом. Но, может, все имидж, показное. Елена по стерео была совсем другой. Звездой!

Непосредственно с Малярийкиным и Калмышем в день встречи Шапрон и Елена вели себя на удивление просто. С Шапроном почти час еще трепались про технику. Про танки. Про акватин. Товарищ Шапронов демонстрировал хороший уровень и в натуре оказался спецом. Впрочем, иначе и быть не могло – все же чемпион Танков, то есть игры, в которой дрались не только люди, но и машины. Здесь без технических знаний и навыков соответствующих не поперешь.

Элена, напротив, была полна сюрпризов. Несмотря на присутствие героя игр Шапронова, а также на то, что он представил их пару вполне однозначно – типа вот моя половина, рукой похлопал по заднице и все такое, – Элена проявила явный интерес к Калмышу. Улыбалась ему. Поднимала тонкую бровку. Даже брала за ручку, когда он рассказывал ей про акватиновый движок. Впрочем, за ручку она брала и Маляра, когда тот рассказывал ей про свои картины. Тот млеял. Не от оценки своего искусства, конечно, а от ее прикосновений. Сугубо физиологически. Но все же – не доверял. Во всем этом дешевом представлении, *в постановке*, крылось нечто чуждое. Такое, чего просто не могло быть в природе, но все же *было*, вопреки здравому смыслу и логике.

Богатый ублюдок и его сучка приехали к убогим и сирым. Чтобы *дружить*. Какая, млять, чудная сказка! Маляр втягивал носом соплю и ощущал, как к его короткой кривой руке под грязным рукавом спецовки притрагиваются ласковые пальчики теледивы. Нежные и мягонькие, как не вставший после ханки член. Вранье.

По окончании встречи Шапрон пояснил, что ему от них нужно.

Он пообещал вывести друзей на совершенно новый уровень. Очень скоро, обещал он, по рекомендации знаменитого танкиста в мастерню «Калмыш и Малярийкин» потоком хлынут его друзья – первые лица местной деловой и уголовной элиты. Сливки общества. Богатые из богатых. И первым клиентом по прямой наводке Шапрона станет человек, пожелавший байк на акватиновом движке. Разумеется, с шикарной аэрографией. Первое сделает Калмыш. Второе сварганит Маляр.

Ждите, сказал Шапрон. Завтра будут.

И они ждали.

Вот только чего конкретно? Неужели правда сверхъестественной благодати, свежего потока бабла? Малярийкин был не уверен.

И чуйка, конечно, его не подвела.

* * *

Как всегда, рев движков художник-автомастер, а по совместительству горе-бизнесмен, распознал издали. Высунул голову из-под капота очередного драндулета, прислушался, чертыхнулся, привычно достал обрез и потопал к решетке.

К «наш-ангару» по трассе во весь опор, насколько позволяло состояние дорожного полотна, шпарили байкеры. Вероятно, те самые «элитные клиенты», обещанные Шапроном. Шпарили, конечно, не двести каэм в час, но очень быстро. Приближались они, во всяком случае, гораздо резвее, чем давеча вездеходная «Рысь» Шапронова.

Малярийкин посмотрел на часы. Стрелки показывали восемь утра. Как раз как договорились. «Пунктуальные, однако, бандерлоги пошли. Не придраться», – рассеянно подумал Маляр.

Байкеры, особенно их толпа, были не самыми приятными гостями. Как клиенты, во всяком случае, подобные конные банды не заезжали в «наш-ангар» никогда. Никогда до товарища Шапронова. Поодиночке – бывало. Но всей вооруженной кодлой... Такой парадный выезд кавалерии обычно практиковался гангстерами на сходках, а точнее – съездах криминальных групп. При дележе территорий или для «судебных разборок», когда атаманы отдельных вольниц апеллировали к общегангстерской «палате лордов», дабы решить дело миром, а не привычным кишкопусканьем.

На байках, мокиках, мотовеликах и прочей подобной индивидуальной двухколесной лабуде на окраинах руинированного Новосибира каталась самая разнообразная публика – от старушек, торгующих химарем, до охотников за головами. Однако именно *ганг-байкеров* – а сейчас к «Калмышу & Малярйкину» приближались именно ганг-байкеры – отличить от любых иных обладателей двухколесной техники было несложно. Объединенные в банды мотоциклисты передвигались по трактам *массово*. А также шумно. А также вызывающе. И часто бухими. И обязательно – увешанные оружием до зубов. Кроме того, ганг-байкеры из одной кодлы всегда носили некий предмет, объединяющий их всех в одно целое. Нечто вроде герба, символа или штандарта.

Присмотревшись, Маляр шумно выдохнул.

Под седлами приближающейся массы вооруженных бандитов болтались высушенные *кошачьи головы*. Это ехала банда чехов. Ну Шапрон, ну падла! «Лучших» клиентов и придумать было нельзя.

Хрен его знает, почему чехи звали себя чехами и какое отношение мертвые кошачьи рожицы имели к их высокой бандитской фашистско-анархической идеологии, но одно Маляр знал точно – чехи были властителями одного из северо-западных дистриктов. Властелинами кварталов и дорог. Узаконенного рэкета, ныне политкорректно именуемого районным налогообложением. Королями наркотрафика и «земельной подати», уплачиваемой таежными колхозами канабисом или маком. Повелителями армий из проституток. В том числе проститутток-юношей (разумеется, педерастов, а не для баб) и проститутток-девочек, едва доросших до возраста, в котором учатся чистить зубы.

Никакого отношения к историческим «чехам» из последних десятилетий прошлого века, а именно к этническим северокавказским ОПГ, нынешние, разумеется, не имели. Национальный состав был разный. Преимущественно – коренные сибиряки. Русские, украинцы, казахи, татары, башкиры – все те, кто проживал в Новосибире до Войны-Смерть. Никаких приезжих и быть не могло среди местных бандитов – послевоенные путешествия по Сибири стали делом опасным. Очень часто вместо таможенного досмотра (или вместе с ним) местные быкоподобные администрации просто мочили приезжих, а пожитки экспроприировали «в казну».

Таковы были ЧЕХИ. Красавчики. Отмороженные ублюдки.

По мере приближения большая аморфная лента байкеров, ползущая по дороге, стала разделяться, Маляр стал различать отдельные машины и сидящих на них ездоков. На некоторых байках сидело по два, иногда даже по три человека, но это автомастера не заботило, так как гангстеры часто возили с собой телок – любимых лядей или просто местных давалок помолоче. Малярйкина интересовали *машины*. Одна, две, десять, тридцать. Тридцать аппаратов – это, по меньшей мере, тридцать рыл. Без вариантов. Лядям и шлюхам бойцы криминального фронта стальных коней не доверяли – сажали только за собой в качестве бесполезного груза. Иногда – под себя. А иногда тащили за собой на веревке. По дороге со связанными ногами на скорости в восемьдесят каэм.

Маляр помотал головой, отгоняя прочие мысли и соображения. Итак, тридцать рыл. Он почти с укором посмотрел на любимый обрез. Два свинцовых заряда в укороченной двустволке. Две пули, двенадцатый калибр. Смешно. Подумав, он вернулся в мастерню и спря-

тал оружие обратно под станок. Уж лучше совсем без ствола, чем провоцировать. Подошел к лестнице.

– Котя, млять! – проорал в лестничный пролет. – Просыпайся, дурак, смерть свою проспишь.

Калмыш всегда спал чутко, а потому через минуту был в гараже, босым, в трусах, но тоже с обрезом.

– Чего?

– Волынку убери. Счастье привалило, как обещали.

– А ты че злой-то такой?

– Да ниче. Это просто чехи. Прикинь?

– Чехи?

– Ты не выспался, что ли? Переспрашиваешь, братюнь.

– Да не. Все понятно, че, – моргнул Кот. – Чехи так чехи.

Он метнулся, заныкал ствол, напялил штаны и снова встал рядом с напарником, хлопая слипающимися глазками.

Погода стояла солнечная, ясная. И пыль поднималась – до неба. Словно и не было дождя, под который Шапрон к ним приезжал. Так, может, все к лучшему? Раз солнышко улыбнулось? Может, за погодой и удача будет? Конечно!

«Удача» в виде трех десятков насильников и убийц закатилась на парковку перед мастерней.

Безоружные хозяева стояли рядом, возле ворот в ангар. Руки по швам. Ноги вместе. Лоб горячий. Ягодицы холодные. Традиция – дело святое.

– Не будут чехи наезжать, раз Шапрон посоветовал... Как думаешь? – спросил Калмыш. – Нам бояться нечего. Как думаешь?

– Это ты себя успокаиваешь так, братюнь? – усмехнулся Малярский. – Не шибко давно мы с тобой под Шапроном ходим. И потом: где Шапрон, а где мы? Что-то я его рядом не наблюдаю.

– А чего это мы под Шапроном ходим? – возмутился Калмыш. – Может, мы уже друзья с ним! Я лично не хожу ни хрена под Шапроном!

– Ага, – Малярский усмехнулся снова. – Вот это и объяснишь им сейчас. Про друзей. Давай, начинай.

– А какого черта им такой толпой здесь надо, Маляр?

– Шас те все объяснят, Котя. Ладно, не рыпайся, короче. Я поговорю. Попробую.

Вопреки страхам двух напарников, байкеры вели себя относительно прилично. Большинство осталось на парковке, лишь нагло постреливая глазками в сторону мастерни и двух ее едва не обделавшихся владельцев. От толпы с мотоциклами отделилось всего несколько человек. Пешочком, мирно и без понтов, они направились в сторону Калмыша с Малярским.

Впереди вразвалку пер здоровый бритый мужчина с татуировкой на лысине в виде какой-то хрени. При приближении Маляр распознал в ней птицу, кажется, это ворон с распластанными крыльями. То ли он бросается на добычу с неба, какую-нибудь падаль, то ли он мертв и раскинул крылья по земле. Первая версия выглядела более достойно, а потому была более вероятной. Просить разъяснений в любом случае Малярский не собирался. Как и в ситуации с нацистскими крестами на куртке, ему было плевать, что нарисовано у кого на черепе.

– Который из вас Калмыш? – без всяких предварительных ласк пробасил лысый-вороннесущий.

Напарнички украдкой, аккуратненько так, переглянулись. Дежавю, как говорится. Вроде вчера мы это проходили.

– Вот он, – совершенно по-штрейкбрехерски ткнул пальцем в товарища Маляр. – Он Калмышев.

– Угу, – подтвердил кивком Котя.

Лысый цыкнул зубом, глядя на напарничков сверху вниз.

«До чего здоровый детина, сволочь, – подумал при этом Калмыш. – Я и сам высокий, конечно, но этому едва до плеча. А в ширину так он меня в два раза больше. Попали мы!»

«Жирный, гнида, – одновременно подумал Маляр. – Выше меня на две головы минимум. Но наверняка медлительный при таком пузе. В солнышко удачно вставлю – ляжет. Мешок».

– Шапронов сказал, мастерня у вас зачетная, – тем временем с понтом сообщил Мешок.

– Это да, – подтвердил Маляр, поглядывая то на золоченую «боевую» цепь, намотанную на кожаную перчатку Мешка (вроде кастета), то на охрнительный «Смит&Вессон» за поясом гостя. – Все чистая правда. Мастерня зачетная. «Калмыш энд Малярыйкин» называется. Он Калмыш, я Малярыйкин. Надо чего-то?

Теперь уж бандюки переглянулись. Так смело с ними давно никто не базарил. Во всяком случае, из местных захоластных обмочившихся фраерков. С другой стороны, ничего оскорбительного в вопросе Малярыйкина не было.

– Шапрон те сказал, наверно. Байк хочу у вас заказать, – ласково прищурившись, пояснил Мешок. – Роспись. Готическая героика. Эзотерический стиль – скандинавский, поздний. Цвет черно-белый, с оттенками. Сечешь? Рунические надписи на ранненорвежском. Вот текст, на листочке. Справитесь, красавцы?

«Смит&Вессон» за поясом дружелюбно поблескивал на солнце. Цепь на кулачке – тоже. Да похрен.

– Машинку, то есть байк ваш, надо посмотреть, – пояснил Маляр, рассматривая поданный листочек. На листочке была какая-то мазня. Корявым почерком, тупым карандашом. На обрывке. Вроде и правда – руны. Идиотизм. – Байк надо глянуть. Там посмотрим, определимся.

– И с хозяином аппарата поговорить, – вставил пять копеек Калмыш.

– Это обязательно, – поддержал Малярыйкин друга, – замену движка я комментировать не буду, скажу только за аэрографию. Понимаете, стиль – дело тонкое. Лучше оговорить каждый отдельный мелкий элемент до начала работы. Их сразу определить нереально, поскольку я и сам иногда не знаю, как все будет выглядеть в конце. Но саму концепцию, месторасположение составных частей композиции, а также, возможно... эмоциональную составляющую, которую владелец байка хотел бы вложить в отдельный фрагмент, – все это лучше выяснить до того, как я начну рисовать.

Малярыйкин помахал в воздухе рукой.

– Чтобы не было разочарований, – продолжил он. – Понимаете? Например, лицо девушки может быть грустным или радостным. Декоративный дракон может спать или парить в воздухе. То же касается всего остального. Деталей. Они разные. Крылья птицы, выражение глаз человека, отдаленный фон, стили орнамента, мимика, жесты. Обычно мы определяем, на какой части что будет, я делаю эскизы на бумаге, вы одобряете, и только потом начинается работа с железом... Так вы хозяин?

Мешок крякнул от обрушившегося потока слов.

– Хозяин-то я, – отмахнувшись, пояснил он. – Однако делать машину будете для кое-кого иного. Он обернулся: – Сюда иди!

– Юнга-а! – выкрикнул из-за спины Мешка байкер, которого Маляр для себя почему-то сразу окрестил Веником. Видимо, из-за длинной широкой бороды, перехваченной у основания кожаным ремешком, за которым болталась плотная, похожая на ручку косичка.

На его крик от толпы байкеров отделился немного смущенный молодой человек в широкой одежде. Он смотрелся гораздо менее вычурно, нежели остальная масса чехов. Молодой человек был в джинсах, простой зеленой рубашке и почти с такими же зелеными глазами. Без

цепей, серег, колец, кожи, браслетов и ожерелий. Сложен молодой человек был очень хорошо, даже атлетически. Но при этом очень строен и хорош собой.

«Симпатичный парень», – подумал Калмыш.

«Педик какой-то», – заключил Маляр.

– Машину будете расписывать Юнге, – объяснил Мешок, хлопая подошедшего по плечу. – Юнга наш боевой друг и товарищ. Надежный пацан. Таких сейчас мало. Настоящий боец!

Калмыша осенило. От удивления он даже покачал головой. Вот же пруха, три звезды у них в мастерне всего за два дня!

– А не тот ли это Юнга, который на прошлой неделе кричал Шапрону по телику, что в порошок его сотрет? – с восторгом поинтересовался он. – Неужели танкист? Сам Юнга?!

– Сам Юнга, точно, – с готовностью подтвердил Мешок. – Ну, что сказать? Юнга у нас парень чуток отмороженный. Шапрон поржал, конечно, с его угрозы. Чего с малого взять? Горяч, сволоочь, дурноват. Зато будущий чемпион «КТО»!

– *Возможно*, чемпион «КТО», – смущенно поправил Юнга. – Возможно, и не более того. Во всяком случае, очень постараюсь им стать. «Красные Танки» – опасный спорт. Если вы знаете меня и видели какие-то игры, – с этими словами он повернулся к Калмышу, – то наверняка знаете и о статистике смертей.

Пока Калмыш и Юнга обменивались мнениями, Маляр еще раз с интересом посмотрел на Юнгу. Кажется, нормальный парень. Физически развитый, крепкий, но при этом технарь, раз профессионально занимается «Танками Онлайн». Общается в кругу отморожков, но при этом сохранил человеческие черты. Говорит смущаясь, но при этом играет в местной высшей лиге. В самом центре, в Скайбоксе. Рискуя жизнью. А значит – не сыкло, однозначно. Молодец, в принципе. Не поспоришь. Порывшись в памяти, Малярский вспомнил, что даже слышал что-то про Юнгу, – передавали в новостях. И это вспомнил он, Маляр, вообще *не интересующийся* «Танками Онлайн». Кажется, говорили о «подающем надежды», о «грозе ветеранов «КТО» и все такое прочее... Бла-бла, бла-бла. Малярский покачал головой. Еще один молодой идиот под стать Калмышу, заключил он. Лишь бы затолкать свой ливер под броню, а потом сталью об сталь шмякнуть. Чтобы сразу в фарш. Эх, молодежь... Еще Маляр внезапно осознал, что во всей ситуации его напрягает именно этот накал вокруг танков. Именно – «Танков Онлайн». Еще вчера (и три года до этого) они с напарником чудесно жили, работали и знать не знали никаких там чемпионов игры «КТО». Чемпионы и телеведущие с ногами в колготках жили в телике, причем *очень глубоко в телике*, настолько, что казались выдуманными. Все они – по крайней мере для Малярского – были некими абстрактными фигурами. Вроде ты и понимаешь, что они существуют на самом деле. Но понимаешь в то же время, что их нет. Во всяком случае, в твоей личной жизни. А вот поди ж!

– В общем, байк будете делать Юнге, – сбил Малярского с мысли Мешок. – По поводу картинок я понял. По поводу замены двигателя... Шапрон триндел, вы в акватине сечете. Правда это?

– А это уже к нему, – снова ткнул в Калмышу Малярский. – Его двигатель, он и ставить будет.

– Поменяем, – подтвердил Калмыш. – Говно вопрос.

– Значит, договорились?

Малярский покачал головой.

– Надо по сумме обсудить. И по срокам, – намекнул он.

– Я знаю ваши расценки.

– И за движку?

– Да, Шапрон говорил. Дороговато.

– Ну, тогда вам во ВТЭК. Там за нал недорого возьмут. Казенный же, он бесплатный. Только они вряд ли двигатель на машинку поставят. И индивидуально настроят. Тем более на байк.

Мешок усмехнулся.

– Ну, базара нет. Понятно. Я и не собирался бодаться с тобой, красавец. Короче, по цене без торга. По рукам?

– Договорились!

Хлопнули ладонь в ладонь.

– И вам скидку на все последующие заказы! – слегка засуетился Калмыш. – Скидку всем членам вашей прекрасной банды!

Малярыйкин покачал головой.

Мешок обнял Калмыша (тот почти поместился под мышкой) и нежно пробубнил:

– За скидку спасибо. А ты где члены-то увидел, фраерок?

– Ладно, – прервал их объятия Малярыйкин. – Оговорился мой товарищ. Бывает. В общем, коли по лаве консенсус, дело за малым. Нам нужен сам байк, и надо контакты Юнги. Калмыш сегодня начнет с силовым агрегатом возиться, а я, как уже говорил, составлю общую композицию графики на бумаге. Надо, чтобы Юнга к нам подъехал обсудить. Допустим, завтра с утра. Годится?

– Годится, – подтвердил Юнга и почему-то с вызовом посмотрел на Мешка (тот лишь ласково улыбнулся, продолжая сверкать цепью и «Смит&Вессоном»). – Я подъеду утром, все гляну. И сам оплачу.

– Цэ ж подарок!

– Байк подарок. Тюнинг за мой счет.

Мешок усмехнулся. Видать, проявления Юнгой самостоятельности его задевали.

– Тут кто-то про сроки заикался, – откровенно изменившимся тоном объявил он. – Надо сделать быстрее, пацаны. Конкретно быстрее!

Тон стал жесткий. Даже хамоватый. Маляр покачал головой.

– Быстрее можно двигатель поставить. Это реально. С художкой сложнее. Ей занимаюсь только я. Впрочем, для вас постараемся ускориться даже в этом вопросе. Как можем. Дело в том, что в росписи техники много сугубо механической работы: разорка-снятие, химическая обработка деталей перед покраской, сушка, удаление лекал и все такое прочее. Калмыш с этим мне поможет. Ну, не поспим пару ночек. В общем, стандартный срок на такой объем у нас – десять дней. Для вас сделаем в неделю. Устроит неделя?

Тут уж переглянулись Веник с Мешком. Что-то в этой переглядочке двух громил Маляру опять не понравилось. Знать бы, что.

– Нет, не устроит, – уже ожидаемо для Малярыйкина нагло возразил Мешок. – Мы хотим малому, то есть Юнге, подогнать новый байк до следующего боя.

– Когда бой?

– Через четыре дня.

– То есть мы на третий должны сдать?

– Ну да.

– Мало времени. Не успеем. Чисто технологически. Грунт и краска встают сутки. Грунт сутки и краска сутки.

– Ну вот как раз три дня. Уложишься.

– Еще двигатель надо менять. Невозможно.

– Так ты ему поможешь, а он тебе. Не поспите *три* ночки. Так и уложите!

Малярыйкин, до этого в упор смотревший на Мешка, отвел взгляд. Будучи маленьким кривым уродом, он никогда не лез на рожон и в драку. Ведь большинство пацанов в любом возрасте были всегда крупнее и сильнее его. Однако когда начинали хамить, на Маляра медленно

накатывало бешенство. Впрочем, он с ним боролся. Ведь когда бешенство вырывалось наружу, его всегда били. Без вариантов. Рост, млять. Физические данные. Такого, чтобы бил он, – не было никогда. Во всяком случае, до того, как он взял в руки монтировку. А потом обрез.

– Исключено, – отрезал Маляр, глядя в пол. – Не надо давить, пацаны. Художка – дело тонкое. Надавите – мы и правда сделаем. Вот только будет ли лучше? Не будет. Это творческая работа. Отвечаю.

Неожиданно Малярйкину помог сам Юнга.

– В натуре, че мудрить-то? Вы что? Потерпим лишний день. Не надо бомбить, ребят. Все хорошо!

Веник с Мешком покумекали, помолчали.

– Ладно, – согласился наконец ворононосец, – неделя, и не суткой меньше.

Он ткнул толстым сосискообразным пальцем Маляру в грудь.

– А за сроки, красавец, и правда ответишь. Лично. Понял?!

Маляр понял.

На том и разошлись.

* * *

Когда байкеры укатили, Калмыш вернулся в ангар довольный, со ртом до ушей. Посмотрел на мутного Малярйкина, ткнул его кулаком в грудь.

– Ты че кислый такой, братюнь? Поперло же! Клиенты, заказы! А деньжища какие пообещали! Ты че борзеть-то с ними начал? Не так-то много у тебя работы с этой росписью. Ты их штампуешь, как свой автограф. В чем проблема, братюнь?!

Маляр шмыгнул носом.

– Ты это, че там с движкой? Не жалко продавать-то? Столько возился.

– Я ж ее на бабло меняю, братюнь. Еще одну куплю! В этом мире всего полно, тока денег мало!

Малярйкин скривился.

– Ладно, – сказал он, – делай что хочешь, только меня к своей высокой финансовой философии не приобщай, лады? И знаешь... осторожней бы ты с ними. Бандюки, знаешь, они всегда бандитами остаются.

– Да все нормально будет, братюнь.

– Слышь, нормалист, расскажи мне лучше про Юнгу. Кто это? И вправду танкист-чемпион? Тебя вообще не напрягает, что к нам в сарай первые лица Сибири зачастили? Как к себе домой. Уже третий.

Маляр обычно не курил, но тут вдруг что-то потянуло. Тем более в зачатке от одного из клиентов сохранился настоящий, еще довоенный америкосовский «Кэмэл». Не из турецкого табака, который и сейчас попадался в продаже. А оригинальный, так сказать, «мэйд ин ю-эс-эй». Виргиния, сука, блендед.

Достав пачку из кармана куртки, он воздел ее ввысь, чтобы напарник мог опознать уникальный предмет и дабы, соответственно, в напарнике проснулось неистовое желание. Потом достал по сигаретке, протянул Калмышу. Затянулись.

– Да че рассказывать? – начал товарищ, пропуская вопрос о «первых лицах» мимо ушей. – Юнга, конечно, не чемпион, но подающий надежды. Сильно, понимаешь, подающий. Появился в «КТО» год назад. Победа за победой. Бабла в него, братан, влили чехи немерено. С разбегу сиганул в премьер-лигу «КТО», а оттуда пулей ворвался в вышку. Вот теперь даже с Шапроном тягаться хочет. В топ «Двадцать лучших танкистов» недавно вошел. Бой на Скай-боксе через четыре дня топовый будет. Крутяк весь участвует. Тотализаторы уже столько ставок набрали, что на год бы хватило всему городу. На Юнгу и Шапрона в основном ставят. Один

к семи, правда. Но это уже хорошо. Это значит, что на малого *уже надеются*. Это люто. Крепчает парнишка на глазах. Злой как сволочь, не смотри, что глазки у него детские и зеленые. В общем, надежда. Возможно, и правда, будущий чемпион.

Маляр хмыкнул.

– Что-то здесь не то.

– А что?

– А все.

– Ты конкретно скажи.

– Да Юнга этот твой хваленый. Какой он, на хрен, злой? Он же ребенок почти. Не похож он на чемпиона. Я не спорю, Юнга, возможно, молодец, но... Но вот про глазки, кстати. Глаза у него в натуре, братюнь, детские, наивные. Взгляд добрый, сука, щенячий. Как с такими глазками он на Шапрона попрет? Мне кажется, мутят они что-то.

– Кто мутит?

– Чехи. Чехи с этим твоим Юнгой. А Шапрон... А Шапрон, кстати, с нами что-то мутит.

Не верю я, что он из светлых побуждений нас поднимает.

– Подожди, а что не так? Вон клиентов нам привел бесплатно. Богатых.

– Ага. Деньги только у них *крававенькие*, братюнь. Как бы *отмывать* не пришлось.

– И давно ты стал таким привередливым? Мы ведь и раньше с тобой на бандюков работали. И на отморозков. И на шакалов всяких поганых. Вон сколько байков ублюдкам-хедхантерам перелопатили. Помню, не гнушался ты кровушку с ливером с кузовщины отмывать.

– Чехи – другой уровень, братюнь. Это не одиночки-хедхантеры. Это почти официальная власть в северо-западном дистрикте. Прикинь, если не устроит их моя или твоя работа. Вот просто не устроит, и все. Тупо. А завтра у Юнги игра. И они тебе пику к горлу. Че делать будешь?

Напарник думал над ответом недолго.

– Шапрон поможет.

Маляр рассеянно почесал затылок, поражаясь наивности приятеля.

– Шапрон-то? Ну, этот-то да.

Помощь

Байк выглядел потрясающе. Маляр выложился. Фиолетово-черная машина, покрытая рунической вязью, блистала отраженным электрическим светом, словно граненый алмаз. На бронированном переднем щитке красовалась хамоватая башка дохлой кошки с цыгаркой в зубах (кстати, с «Кэмэлом»). Блеск! Как говорится, во всей бандитской красе собственный бандерлогский брэнд.

После секундной паузы, заполнившей воздух, после того как Малярыйкин сдернул тент, скрывавший его шедевральное произведение, чехи дружно заухали, не сдерживая восторг.

«Довольны, вражьи дети», – отметил мрачно Маляр.

Вперед вышел Юнга.

Неспешным, размеренным шагом он подошел к великолепному байку, погладил кожу, дотронулся до металла. Сел. Покрутил перчатками-беспальцовками по рогам и манетке.

– Молодцы, – выдал единственный комментарий.

Поблагодарил мастеров. Рассчитался. Свалил. Малярыйкин только и успел помахать рукой пыльному столбу на дороге...

Байк в натуре вышел зачетный. Причем внешний вид – уникальная гангстерская графика, исторгнутая из себя Малярыйкиным, словно рассвет в Севастопольской гавани, исторгнутый когда-то на полотно Айвазовским, – была только внешним фасадом реального чуда, переданного в тот день во владение Юнге.

Акватиновый двигатель, маленький, но могучий, превращал стального коня будущего чемпиона «КТО» в нечто ужасающее и грозное. Сила, способная поднять в воздух «Боинг» или провести через океан ледокол, ныне несла единственного «Харлея». Приделай к нему крылья – взлетит!

Деньгами рассчитались сполна. Таких щедрот Маляр и Калмыш давно не загребали. Сумма, к удивлению Маляра, оказалась значительно больше той, что он предполагал. Калмыш объяснил – это дали за дополнительные навороты к двигателю и бортовому компьютеру. Силовой агрегат распределял мощность почти на все рабочие системы байка – на усилитель руля, на освещение и звуковую сигнализацию, на музыкальный комплекс, на тормоза, на бортовой компьютер, на автоматическую блокировку колес, на обзорные камеры и так далее. За «допы» отвалили почти неприлично много. Даже возникло неожиданно опасение, что бабки надо вывезти срочно в Скайбокс и кинуть в депозитарий, ибо из-за *такой суммы* могут дома и вальнуть. Какие-нибудь информированные отморозки.

Деньги в Скайбокс все же не повезли (могли ведь и по дороге вздрючить). Малярыйкин раздал долги, отдал предоплату на поставку нового подъемника, закупил шанцевый инструмент, поехал за продуктами. На это ушел весь день. И... все это было сутки назад.

Восторг, расчет, прочие прелести. Благодарность Юнги и поздравления чехов. Закуп, привоз. Погрузки, разгрузки. На радостях в «наш-ангар» даже прикатила Ника. И даже поцеловала его, Малярыйкина, в левую щеку. Это был зачет. Малярыйкин, будучи здоровым и трезво-мыслящим, а главное, совершенно *зрелым человеком* (несмотря на относительно юные годы – а было ему и Калмышу всего лет по двадцать), к женщинам относился спокойно. Он знал о своей неприятной внешности и оценивал ее так, как следовало оценивать. Кривой позвоночник, кривые руки, неправильной формы нос и рот – все это, даже при очень выразительном, уверенном и спокойном взгляде Малярыйкина, не производило на женщин никакого впечатления. Вернее, производило, но совершенно обратное тому, которое пестовал Маляр в своих фантастических порноснах. Увидев Малярыйкина в первый раз, девушки обычно охали и отворачивались. Возможно, полагал Малярыйкин, они сдерживали рвотный рефлекс или чесотку. Потом, когда он начинал говорить (а голос у Малярыйкина был под стать глазам – крайне выра-

зительный, глубокий, спокойный, сильный, – именно такой, какой обычно ожидали в красавце Калмыше), девушки начинали с Маляром общаться. И даже проникались к нему определенным уважением. Даже преклонением, если речь заходила о графическом искусстве. Однако ни о каких плотских отношениях Малярский мечтать не смел. Он не был девственником – это было сложно, учитывая число кочующих по району доступных проституток и честных лядей, – однако именно *своей девушки*, как постоянной подруги, у него не было никогда. В мечтах, весь последний год, ее заменяла Ника. Но только в мечтах.

В общем, поцеловав Малярский в щеку и вызвав тем самым в глубинах его души настоящую бурю эмоций, Ника убежала в комнату к Калмышу, где имела честь пребывать всю ночь до утра. Сопровождая свое пребывание разнообразными, пробуждающими фантазию звуками. В частности, скрипом кровати. Малярский терпел. Надо признать, что проститутками он *не злоупотреблял*. Никогда не злоупотреблял, а последние несколько лет – *не употреблял вообще*. Во-первых, из соображений экономии, бюджет «наш-ангара» был дырчат. А во-вторых – ему было просто отвратно думать о каких-то иных бабах, в то время как рядом с Калмышем находилась *его богиня*.

Статус Ники, впрочем, в последние дни в эротическо-кинематографических мечтах Малярский сильно пошатнулся. Точнее – его пошатнули. Пошатнула прелестная, стройная, изящная, но затмевающая горизонт, горы и океаны фигура... Эленки Прекрасной. Она могла составить конкуренцию Нике. И составляла. Вот только обе об этом не знали. Поскольку все происходило исключительно у Малярский в мозгу. При этом Малярский не был каким-то там маньяком или психопатом. Он был нормальным, здоровым, уравновешенным человеком. И мечты у него были нормальные, без всяких извращений. Просто – кого-нибудь трахнуть. Но было некого.

Посему, проснувшись сегодня рано утром, привычно сматюгнувшись на злодейку-судьбу и собственную криворожесть, Малярский не стал будить сладкую парочку – Нику и Калмышу, отдыхавших в соседней комнате после половых упражнений. Он быстро умылся, облил себя ведром холодной воды, оделся, завел грузовую «муравейку», на которой в «наш-ангар» осуществлялись поставки необходимых материалов, ГСМ, дров, патронов, продуктов и прочей жизненно необходимой лабуды, выехал со двора, закрыл за собой ворота и привычно выкатился на дорогу, чтобы закупить в соседнем поселке у таежных колхозников бульбы на следующие полгода. Дорога была ожидаемо убитой, а поездка – ожидаемо долгой. Когда перед «муравейкой» замаячил родной забор, солнце уже клонилось к вечеру.

Малярский любил такие поездки – появлялось время подумать. О том, о сем, но главное – о себе. Старина Калмыш оказался прав. Баблю потекло к ним рекой. Во всяком случае, «начало течь» вчера. Если с завтрашнего дня к ним действительно поперет поток заказчиков из Скайбокса, станет ли хваленое бабло, которого Маляру всю жизнь не хватало, тем роковым элементом, что изменит его рутинную жизнь? Размышляя об этом весь день, Маляр сделал вывод, что нет. Для Калмышу – да, возможно. Ведь у него есть Ника. Но вот для него... Не все, в натуре, измерялось лаве даже для нищих автомехов. Не все. Увы. Это действительно было крайне печально.

Отгоняя от себя такие вот пессимистические и бессребренические умозаключения, Малярский наконец подкатил к закрытым родным воротам. И посигналил. Одновременно насвистывая под нос незамысловатую мелодию, прицепившуюся где-то по дороге из радиоприемника. Мелодия была довольно длинной, как и дорога. Радиостанциями послевоенная Сибирь была не избалована, так что за сутки Маляр выучил примитивную песенку наизусть:

*Металл орудья в клочья рвут,
Машины в ужасе режут,
Но с поля мертвых не бегут.*

*Ползут в огне.
Так близко смерть, коса свистит
Над головой. Смотрю в зенит,
Там враг безумный к нам спешит
В стальном коне!
Зачем прибрала нас война?
Зачем призвала нас страна?
И чашу ужаса до дна
Зачем нам пить?
Бронию и треки рвет снаряд,
Бросаю в небо мертвый взгляд.
Пусть время повернет назад.
Хочу я жить!*

«Хочу я жить, – подумал Малярйкин. – В натуре – хочу я жить! К черту всю философию. Шас пожрем, посидим втроем, поболтаем. А может, и ханки хряпнем. Выплюсь завтра! Бока себе отлежу. Потом почитаю что-нибудь, отдохну. И никакой работы пару дней. Че тут плохого? Чем не жизнь? Эх!.. Что ж вы телитесь так, гыспада? Весь день для вас по тайге катаю!»

Он снова посигналил. Секунды тянулись, но из ангара никто не выходил.

– Вот же черти ленивые. Я им, значит, все, а они дверь не могут открыть. Дотрахались, что ли, до потери сознания? Сволота, мля, – пробурчал Маляр. Вылез из машины, распахнул ворота.

Вокруг тяжелыми хлопьями раскатывалась тишина. Обычно вечером мастерская была полна звуков. Но сейчас не было ничего.

И свет. Электрическое освещение не горело *нигде*.

– Хрена вы попрятались, дебилы?! Лень открыть?! – заорал с порога Маляр.

Неожиданно взгляд выцепил деталь, мгновенно обрушившую все мысли. Под траками танка разливалась лужа. Грязновато-рыжего, какого-то маслянистого оттенка. Малярйкин прищурился. Соляра? Нет. Эта лужа не могла быть ничем иным, кроме как...

Кровавый шлейф тянулся за танк, под гусеницы, исчезая в ремонтной яме. Даже в начинающихся сумерках было хорошо видно, что жидкость, заливавшая пол, была словно бы чужда этому месту, ремонту тачек и байков, мирному быту трех немного странных, но совершенно безобидных людей.

Ноги неожиданно стали ватными. Малярйкин не раз был в переделках и на нервозность не жаловался. Однако тут было нечто совсем иное. Не страх только за себя, за свою никчемную жизнь, но что-то большее... Не чувствуя ничего кроме нахлынувшей слабости, Малярйкин прошаркал к танку, облокотился на него и медленно, словно заторможенный, заглянул за край башни... Мороз пробежал по коже. Глаза отказывались видеть.

За танком в луже собственной крови валялась Ника. Именно *валялась* – как огромная скомканная тряпка. В странной позе. Полубоком, но с разбросанными в стороны руками и ногами.

Лицо девушки было исполосовано ножом, открытые глаза смотрели в потолок, рот открыт, словно в последнем беззвучном крике. Шея перерезана. Комбинезон, в котором Ника возилась с техникой, изодран в клочья. Голые груди, когда-то красивые и манящие, но теперь бесстыдно отвратительные на теле трупа, лежащего в луже крови, смотрели на Малярйкина торчащими посиневшими сосками.

По-прежнему шаркая по полу, Маляр протащил себя к телу.

Рухнул на колени, сильно ударившись о бетон. Но боли не чувствовал совершенно.

– Ника, ты че это...

Не зная, что делать, Малярйкин осторожно подтащил тело к себе и водрузил спиной себе на колени, аккуратно поддерживая почти отрезанную голову. И, обхватив ладонями мокрое ледяное лицо, что-то невнятно произнес. При этом звуки, издаваемые Малярйкиным, очень мало походили на речь. Это было нечто вроде хриплого кашля.

Прислушавшись к себе, Малярйкин замер.

Заставив себя усмирить эмоции, автомех осторожно провел пальцами по голове трупа. Бледная кожа любимой девушки неприятна на ощупь. Живая Ника была совсем другой. По руке побежала сукровица. На темени кончики пальцев коснулись чего-то мягкого. Череп Ники был проломлен. После того, как перерезали горло, над трупом глумились. Возможно, пинали сапогами. Или били железом. Или швыряли по полу. Оторвав взгляд от мертвого лица подруги, автомех осмотрелся. Теперь, когда глаза немного привыкли к полутьме, а сердце успокоилось и никуда не бежало, Малярйкин увидел все.

Мастерская разрушена. То, что можно было сломать, сломано. Имущество, которое можно было унести, унесено. Ни одной целой лампочки не осталось. Исковерканные кувалдами движки конструкторов и аппаратов, находившихся в мастерской на текущем ремонте, заглохли. На земле валялись растоптанные фигурки-самоделки Ники, которые она иногда лепила из глины и обжигала в печи. Для собственного удовольствия, в виде хобби. Три месяца назад, тяжелой зимой, Ника, чтобы подбодрить хмурых из-за отсутствия заказов друзей (вернее, одного друга и одного сожителя-любownika – Маляра и Калмыша), Ника вылепила из глины три фигурки: одну высокую мужскую, одну маленькую женскую. И еще одну, непонятную. Однозначно мужскую, но маленькую и немного горбатую – фигурку Маляра. Уничтожение этих маленьких фигурок казалось еще более кошунственным, чем разгром всей остальной мастерской.

«Зачем и кто?» – стукнул в голове единственный разумный вопрос.

Отодвинув от себя мертвое тело Ники, Маляр поднялся. Зачем-то отряхнул кровь с измазанных штанов руками, запачканными в той же крови. Со злостью выругался, одновременно сдерживая легкие рвотные порывы, периодически появлявшиеся в горле вместе с отвратительным кислым привкусом. Прошел к тайнику на входе, достал обрез и зашагал в глубину ангара. Остановился.

За перегородкой, в центре второй секции, между двумя загнанными в мастерскую танками висел старина Калмыш.

Подвешенный за шею и едва касающийся окровавленными коленями земли, в полутьме Калмыш походил на чучело. Маляр присмотрелся. Чучело это могло пугать не только ворон на огороде, но и всякого, способного видеть. Калмыш был ужасно избит. На лице его не было глаз. Сначала Маляр подумал, что они заплыли жуткими отеками, но приглядевшись, понял, что их выкололи или вырезали уверенной рукой, – глазницы были пусты. Коленные и локтевые суставы напарника сломаны. Вероятно, битой. Под висящим телом скопилась лужица крови. Немного меньшая, чем под изрезанной ножом Никой, но оттого не менее пугающая. Рвотные позывы стали сильнее. Но не настолько, чтобы пересилить злость. Маляр решительно шагнул вперед. Тело надлежало снять!

– Ма... ляр... – послышались едва различимые в полной тишине звуки.

Малярйкин замер. Дернул щекой. Послышалось?

– Ма... ляр...

Это шептал Калмышев!

Схватив напарника под мышку, Маляр осторожно положил обрез на пол, дрожащими пальцами нащупал поясной нож, резкими, но неумелыми пилящими движениями срезал веревку. Опустил тело. Коснулся едва теплого лица друга рукой. Голос Калмыша немного усилился.

– ...Ма... ляр, ты?

- Да, Котя, да... – осипшим, совершенно севшим голосом выцедил Малярыйкин.
- Ма... ляр... на нас... напали... – объяснил очевидное полутруп.

Малярыйкин кивнул. Его товарищ без глаз кивка не видел, но это вряд ли требовалось. Кожа Калмыша на шее была синюшная, с кровавыми потеками. Грубая веревка и неплотно затянутая петля под неполным весом (окровавленные колени касались земли), позволили Калмышу жить. Руки за спиной несчастного стягивала вторая веревка. Пленник был не в силах ни освободиться на перебитых ногах, ни удавиться под собственным весом. Впрочем, насколько понимал Малярыйкин, жить в таких условиях Калмыш также не смог бы больше нескольких часов. Затем наступала потеря сознания. А в качестве финала задумки гения-фашиста, устроившего все это садистское представление, – удушье в петле. Значит, налет на мастерскую совершили недавно. Из этого следовал еще один вывод.

– Что случилось, братюнь? – ласково спросил Малярыйкин, ослабляя на шее товарища срезанную петлю и осторожно поддерживая напарника под затылок.

– Чехи...

Глаза Маляра расширились.

– Чехи?! – удивленно переспросил он.

– Рано утром... сегодня... Юнга... разбился насмерть... на нашем байке, – уже отчетливо прохрипел напарник.

– Юнга?.. Сдох?.. Так из-за него, что ли?! А мы-то при чем?! – неожиданно для самого себя взорвался Малярыйкин. – Чехи гоняют по разбитым дорогам с охрененной скоростью! Вот и бьются. Мы-то при чем, твою ж маму?!

Перед глазами мелькнуло мертвое лицо Ники. Маляр уже чувствовал ответ. Калмышев захрипел, одновременно дергая кадыком. В первые мгновения Маляр испугался, но затем понял, что старый приятель не задыхается. А смеется. Смеется разбитым ртом с торчащими осколками зубов. Губы автомастера искажила гримаса гнева. Руками так разбить чужой рот нельзя. Похоже, Калмышев встречал обух топора или молоток.

– Он разбился... из-за... нас, – выцедил напарник.

– В смысле, из-за нас? – быстро переспросил Малярыйкин.

– Я подшаманил ему... с акватином...

– С двигателем? А зачем?! Ты что, дурак?! – уже в голос заорал Малярыйкин.

– Может... и дурак, – оскалился беззубым ртом Калмыш. – Да не так... Чехи не за байк... заплатили... Ты разве... не догадался?.. Сумма сверху... была за то... чтобы ушлепок этот... Юнга... долго по Сибири... не катал... Ты допер?.. Вот почему... столько лишнего лаве... отвалили... братюнь... Допер?..

Но Маляр не «допер».

– Ты бредишь, – прошептал он. – Зачем им убивать своего же чемпиона?

Калмышев улыбнулся вновь, одновременно выталкивая языком кровь.

– Дурак ты, Маляр... такой серьезный и умный... а все дурак... Чехи делают ставки... на «КТО»... дикие бабки, братюнь... И Юнга... был хорош как игрок... но слишком тупой... для бизнеса... Отказался... сливать бои... На золотую курицу... посягнул... Убить открыто чехи... своего не могли... Не по понятиям... Зритель бы не понял... Допер?.. Вот пацанчик и разбился... на байке... Горячий был... придурок... Гонял...

Напарник закашлялся.

– Я сделал все, сделал... как они хотели... – продолжил, захлебываясь, Калмыш. – А они меня... суки... сам все видишь... братюнь... В мастерню приперлись... скопом... часов пять назад... Ни о чем... не спрашивали... Тупо зашли и... начали мочить... Орали, что я убийца... Причем, знаешь... искренне так... орали... Видать, о задумке... с блокировкой... никто не знал... из простых бандюков... Тока шишки... А может... вообще пара человек... Кто бабки мне... потом... заносил...

Маляр прищурился.

– И кто же заносил?

– Шапрон... Ша...

– Что Шапрон?.. Я не слышу!

Но Калмыш не отвечал.

Малярыйкин грубо толкнул бывшего приятеля в плечо. Потом, приблизив ухо к лицу напарника, послушал.

Калмыш сдох.

* * *

Некоторое время Малярыйкин сидел перед трупом «братюни» неподвижно. Это было глупо, учитывая наличие двух мертвецов в том же здании, открытых настежь ворот, а также «муравейки», возвращения которой могли с нетерпением ждать убийцы. Глупо – с точки зрения сохранения собственной жизни. Где-то в подкорке, без всякого анализа и долгих размышлений, Маляр понимал, что ему самому с этой секунды грозит страшная опасность стать объектом многочасовых пыток и уже потом мертвецом. Причем опасность в максимальной степени – именно здесь, в «наш-ангаре». В месте, где его только и могли искать озверевшие бандерлоги из северо-западного района.

Вопрос «почему?» перед Малярыйкиным не стоял.

То, что сказал мертвый напарник (другом сейчас назвать его не поворачивался язык), казалось бредом только на первый взгляд. Все это *могло быть* правдой. Кроме того, иных версий не было. Как ни пыжился, Маляр *не смог* придумать ни одного варианта, который бы отличался от слов старины Калмыша. Разве что случайное ограбление. Какой-нибудь нелепый и дикий налет таежных отморозков. Но нет. Это действительно сделали чехи. Грабители-колхозники своих жертв *не пытали*. Только мочили и грабили. Они могли изнасиловать и убить Нику. Могли пристрелить или зарезать Калмышева. Но оставлять его в петле на много часов не стали бы. Вот и вся дедукция, братюнь.

Итак, чехи.

Юнга чемпион. Отказался сливать бои. Убить сами не могут. Не комильфо правильным пацанам валить «своих» из-за бабок. Тем более – игрока за хорошую игру. Нашли идиотов в лице случайных реммехов. Идиота Калмыша. Идиота Малярыйкина. Идиот Калмыш мандячит с движком. Это легко: поставить датчик на скорость, чтобы блокировал движение после 100 или 150 каэмче. И все! Чехи – лихие байкеры. Тем более чемпион Юнга. Принимая машину, он не полезет копать в электронике. Убить Юнгу – просто. Как два пальца. Только решиться! Калмыш – решил. Имбецил. Впрочем, о мертвых плохо...

Виноват ли он сам, Малярыйкин? Мог ли догадаться?

Конечно, мог. Больше того – до-га-дал-ся. Сразу было видно, здесь что-то не так. Не бывает такой вот прухи. Лотерейный билетик выигрышный, купюрки из рукава, бриллианты из воздуха. Не бывает!

Но почему именно «наш-ангар»?

Как там прошамкал Калмыш?

Шапрон...

А ведь действительно – Шапрон! Кто мог в принципе придумать подобный зверский расклад, кроме долбанутого топ-танкиста, суперклассного механика и водилы? Кому, кроме чехов, угрожал Юнга более всего, если не чемпиону игр «КТО»? Кто посоветовал чехам – криминальным лидерам северо-западных окраин – их убогую, ничтожную мастерню? Как вообще они с Калмышем могли поверить, что элита – буквально элита «КТО» и уголовного мира – может разместить у них заказ для потенциального чемпиона?

– Сука! – тихо прогундел под нос Малярийкин. – Вот же ты сука, товарищ Шапронов. С-сука! С-сссу-у-ука!!!

Эхо отразилось от кровли. Эхо показалось зловещим. Нет, надо сдерживаться. Эмоции делу только вредят. Только какому вот на хрен делу? Все кончено.

Дело. Бизнес. Бабло и будущее. Авторемонт. Дружба. Тайная любовь к чужой девушке. Все.

Маляр обернулся. Взгляд автоматически уперся в дверной проем с распахнутой настезью дверью и оттого очень белый и светлый от проникавших через него солнечных лучей. Однако глаза сквозь распахнутую дверь видели не солнечный свет. По телу медленно и тяжело, словно бульдозер, прокатилась вязкая, обжигающая волна. Маляр вдруг ясно и как бы даже пронзительно осознал: это самое «все» было ничем по сравнению с единственной настоящей потерей. В дверях разрушенной мастерни лежала ласковая девочка Ника. И сверлила пустыми глазками пустой потолок.

Шапронов, ну как же так?!

Сильно захотелось сдохнуть.

Лечь рядом с корешем и подругой на бетонном полу. И валяться так. Долго-долго.

Но для ничтожного человечка из ничтожной автомастерской подобные желания были слишком уж понтовиты. Чай не бандюк, статусом не вышел.

Маляр тягуче, словно через силу, выпрямил скрюченную горем спину. Она не выпрямилась полностью – мешала травма позвоночника, полученная еще в детстве, при родах. Однако в пол он уже не смотрел. Только вверх и вперед!

Пошарив рядом, Малярийкин нащупал рукой брошенный обрез. Из мастерни надо валить. И валить быстренько – это подсказывала не только логика, но и собственный подпотевший зад.

В любой момент могли вернуться мстители-отморозки и «отморозить» уже Маляра – по полной схеме с ударами битами по челюсти, выдавленными зенками и прочими «чешскими» чудесами вроде многочасовой удавки, совмещенной с бдением в собственной моче на раздробленных коленях. Этот мир, как и все прочие, делил людей на тех, кто пугает, и тех, кто пугается. Чехи пугали. Ну а работяги, вроде Маляра с Калмышем, могли только ссать под себя да хорониться где-нибудь в очурах, коли уж впали в гангстерскую немилость. Селяви, как говорят, доунт край.

Да и чем его смерть поможет мертвому товарищу с почившей подругой? Ничем. Разве что Шапрона лишний раз насмешит. Калмышев покадох, вероятно, забавно слюни пускал. И рожа интенсивно краснела над удавкой. Смешно, оборжаться! Так что чехи с Шапроновым здесь не только *мочили*. Но и весело провели время. Наверняка. Бандерлоги – бандерлоги и есть. . .

– Не-ет, гады, только не в этот раз, – пообещал сам себе Маляр, имея в виду, что дохнуть здесь и сейчас он точно не собирался.

И все же, перед тем как ретироваться, следовало потратить несколько минут. Вытащить деньги из тайника. Собрать личные шмотки – их, слава богу, было совсем немного. А также еще более немногочисленные ценные вещи, которые можно было продать. Например, легкий, но дорогостоящий инструмент, измерительные приборы, кое-что из электроники. Все это вповалку летело в рюкзак и распахивалось по карманам. Наконец, собрав все, что необходимо, Маляр снова склонился над телом мертвой любимой девушки. *Чужой* мертвой, любимой девушки. Или просто любимой девушки – тут уж как понимать.

Хотел поцеловать в губы. Посмотрел в остекленевшие глаза. Маляр помнил, какими красивыми они были. Теперь напоминали мутные куски пластмассы. Все же сучья жизнь вокруг, верно? Маляр вздохнул. На поцелуй не хватало решимости. Ника была мертва.

Маляр накрыл труп девушки покрывалом. Калмыша он почему-то не накрыл. Поднял с пола слепленную Никой глиняную фигурку самого себя, вытер от крови, сунул в карман. Зачем – не знал сам. Может, из ностальгии.

На этом прощание с мастерской закончилось.

Сев в «муравейку», Маляр быстро укатил в ночь.

Ночь

Спустя шестнадцать часов после описанных событий Елена Прекрасная и Петюня Малярский сидели у нее на квартире. «Секретной» квартире, как ее называла сама хозяйка. Хатка была милой, небольшой, солнечной, небогато, но уютно обставленной и предназначалась вот для таких *необычных* встреч, одна из которых имела место в данный момент. Встреча дивы и автомеха. Лена угощала Малярского чаем с печенюшками, и от всего этого мозгодробительного несоответствия между кровавой трагедией в «наш-ангаре» и ласковыми солнечными лучами в Лениной квартире у Малярского уже начали плыть извилины. Но он держался, стараясь находить песчинки рационального в том сумасшедшем бездонном океане, который омывал его огромными волнами последние шестнадцать часов.

Приехав в Скайбокс в середине ночи, он бросил «муравейку» в каком-то закоулке и бездумно шлялся по центральным кварталам города, не понимая сам, чего хочет. С точки зрения жителя окраины, Скайбокс был более чем интересен. Например, стереовизоры, расположенные прямо на улицах Скайбокса, демонстрировали одиноким прохожим, не спящим в эту полупоночную пору в силу бессонницы, лунатизма или приверженности героину, зрелищные схватки «КТО». Среди наиболее красочных и часто повторяющихся сценок преобладали, разумеется, выдающиеся по производимому эффекту ролики с товарищем Шапроном.

Улыбка Шапронова, то и дело расцветавшая на экране, откровенно бесила Малярского. Не потому, что она была неоправданна (Шапрон действительно мастерски проводил бои), а потому, что после случившегося в мастерне любые успехи этого урода вызывали острое чувство истинно вселенского неверия в мировую справедливость. Как если бы Малярский, словно Моисей, познакомился лично с Господом Богом, но при этом узнал, что тот педофил.

Надо сказать, что в Малярском в эти удивительно сложные и долгие часы его удивительно несложной и недолгой жизни боролись противоречивые чувства. С одной стороны, Маляр сознавал, что случившееся – всего лишь один из банальных эпизодов окружающей мерзкой реальности – реальности, подчиненной бандитам-отморозкам, отморозкам-буржуйам (типа менеджеров и акционеров ВТЭК), а также всем прочим отморозкам этого отморозенного мира. Ника и Калмыш погибли потому, что в послевоенном Новосибирске людей убивали много и часто, и вот так вышло, что очередными жертвами очередного бандитского беспредела стал именно их (очередной для бандитов) маленький коллектив.

Случившееся и беспределом-то назвать было нельзя. Калмыш реально *виновен* в убийстве Юнги. И еще более виновен – в том, что повелся на предложение Шапронова, сглупил, не подумал. Это был мощный факт.

Сам же Маляр и Ника – виновны в том, что оказались с Калмышем рядом. В большинстве случаев подобного неожиданного залета хватало с лихвой, чтобы стать жертвой бандитского «правосудия». Либо полицейского «правосудия» – которое в целом не имело особых отличий от бандитского.

Еще более отчетливо Маляр понимал, что уж не ему, автомастеру и предпринимателю средней руки, соперничать с монстрами вроде чехов и Шапронова. Результат от подобного противостояния мог быть исключительно один, без всяких инсинуаций и отклонений. Маляр мог либо восторженно ссать от того, что выжил, в то время как его друг и любимая девушка почили, так сказать, мертвым сном. Либо умереть сам. Даже не бросив вызов убийцам, а просто – не спрятавшись от них.

И все же... Бродя по грязным кварталам Скайбокса, Маляр как-то мимодумно купил в сигаретном ночном киоске карту центральных районов Новосибирска, порылся в ней и без труда отыскал довольно знаменитую в нынешнее время резиденцию г-на Шапронова. Чемпиона.

Резиденция Шапронова – впечатляла.

Сей удивительно обширный для одинокого чудака особняк из двадцати комнат и мансарды, к которому Малярский подкатил на своей «муравейке» спустя всего полчаса после покупки карты (сам не понимая зачем), раскинулся прямо в центре элитного поселения для «менеджеров» ВТЭК и высших чинов местной власти. Гуляя вокруг найденной по карте точки, Маляр осмотрел глухой металлический забор, окружавший сиротские домики «слуг народа», а также иные пикантные подробности проживания живого божества «КТО». Забор имел в высоту не менее шести метров. Выше забора на проржавелую квадрат-трубу была заботливо намотана егоза. Тут и там сверлили прохожих взглядами коробочки видеокамер. Периметр прерывался двумя пропускными пунктами с домиками охраны. На каждом КП стояли широкие, на две полосы, автомобильные ворота (открывались не ручками, а с кнопки – что говорило о многом, например, о вопиющем отсутствии экономии среди жителей поселка даже в унылое время послевоенного энергетического кризиса) и аккуратные решетчатые калитки для пешеходов.

За всем этим охранным великолепием краснокирпичные башенки коттеджей шпилили небушко гордо и даже с некоторым вызовом окружающему скучному и унизительно-голодранному миру. Это было нормально – сильные и сытые плевать хотели на мнение слабых и голодающих. И хорошо еще, если только плевать.

По той же карте недалеко от гигантской резиденции товарища Шапронова Маляр без труда отыскал и скромную виллу его скромной спутницы монашки Элены.

Особняк Лены понравился Малярскому больше. Как и домище командора, он занимал приличную площадь, был окружен высоким забором, но выглядел значительно проще. Все-то у нее было не как у бабы! Как большинство частных жилищ в этом районе Скайбокса, особняк производил впечатление своими размерами и простором, но при этом отделку имел крайне небогатую. Серенькую. Простую. Кирпичные стены покрыты декоративными композитными панелями, кровля весело глядит в небо зеленью искусственной черепицы. По сравнению с гигантами-соседями, отделанными мрамором и величественными ионическими колоннами, дизайн Ленкиного особняка – как экстерьера здания, так и ландшафта вокруг – был скорее мужской, чем бабий. Никаких тебе фенечек, финтифлюшек. Широта!

Подумав, Маляр заключил, что именно это нравилось ему в Элене Прекрасной больше, нежели остальное. Именно мужской взгляд на вещи и на мир в целом. Взгляд трезвый, отчасти циничный. Но зато *реальный*, без всякой там детской фигни. А вот то, что особняк Лены был меньше, чем у Шапронова, объяснялось легко: ведь и уровень «знатности», по местным бандитским меркам, Елена Прекрасная имела скромнее, чем чемпион «КТО».

Глядя на фасад Элениного особняка и пиная носком ботинка валявшиеся вокруг камни, Малярский размышлял над удивительными превратностями судьбы, которые познакомили его, нищего автомеха с окраины, с этой удивительной девушкой и привели, почти помимо воли, сюда, в самый центр столицы Сибири. Как это было возможно? Малярский не понимал.

Тот факт, что сама Елена Прекрасная посетила три дня назад мастерскую на отшибе Новосибирска, был попросту невозможен. Малярский знал из прочитанной на днях прессы, что Елена *не везде* сопровождала командора Шапронова. Но когда в тот день он отправился *на сутки* в далекий ремонтный ангар, в никому не нужное многочасовое путешествие, она была с ним. Зачем?

Лично у Малярского создавалось впечатление, что у Элены не было специальной причины для посещения. Она просто увязалась за своим спутником. С Маляром и Калмышевым она говорила ни о чем, задавала общие вопросы, смеялась, шутила и очаровывала. Мозг Малярского не мог выцепить из памяти ни одной детали, способной выдать возможную *цель* Элены в день ее приезда. Она приехала просто так. Она сопровождала Шапронова. Ей ничего от них

не было нужно. Кроме, возможно, их самих. Да уж, забавные склонности для девушки, которую хочет половина Сибири!

Из той же прессы (электронных сайтов, просмотренных с телефона) Малярский знал, что в последнее время популярность Элены неимоверно росла. Ведущая телешоу, глава крупной разрастающейся финансовой компании, в конце концов – просто красивая самка, бывшая топ-модель, со всеми сопутствующими приколами и примочками – поклонниками, обложками глянцевого журнала, фотографиями топлес в Интернете (и неглиже – в плохом Интернете), интервью, благотворительными вечерами, светскими раутами и прочими высококультурными пьянками. Неизменно легкая, стильная, дерзкая, в откровенных нарядах, в сопровождении шлейфа юности и обаяния, она... она приехала к ним в убогую мастерню на окраину города, вылезла (именно вы-лез-ла, а как еще можно выбраться из вездехода вроде «Рыси»?) из шапрановской машины, и сердце двух неразлучных друзей – и Маляра, и Калмышева, но особенно Маляра! – начало биться иначе.

Как именно иначе – вопрос.

Сердце Малярского давно и упорно занимала ныне мертвая Ника. Девушка-механик, девушка-соратник, девушка-друг. Сравнивая Нику и Элену Прекрасную (а как всякий мужчина, он все же непроизвольно и без всякой задней мысли детально сравнивал друг с другом женщин, появлявшихся в его жизни), Малярский неожиданно находил, что при глубоком аналитическом и предметном сравнении Ника гораздо более привлекательна и красива, нежели Елена Прекрасная. Ника была милостивее, с более правильными чертами лица, с огромными глубокими глазами. Она была чуть ниже ростом, зато с великолепными формами, чудесной большой грудью и при этом необычайно стройная. Елена по сравнению с Никой казалась просто плоской. С более резкими (при внимательном рассмотрении даже не вполне правильными) чертами, с миндалевидными, чуть раскосыми глазами и гипертрофированно длинным ртом. Безусловно, при объективном анализе Елена Нике уступала.

Однако прелесть Элены заключалась в ином. В уровне. В стиле. Маляр мог бы даже сказать – в *качестве подачи*. Ника носила джинсы и камуфляжную куртку. На голове – бейсболку или вообще какую-нибудь шапочку-петушок, вроде тех, что мог носить в холодную погоду и сам Маляр. Волосы, соответственно, Ника скручивала в узел или хвост. Представить себе в таком виде Элену невозможно! Ее наряды были иконами. Ее волосы – ходячей рекламой чего-то там.

Нику не видел никто, кроме ее непосредственных знакомых. Элену крутили по стереовизору каждый день. И как крутили! Кожа на экране казалась шелковой, ноги – бесконечными, а глаза блистали просто как звезды.

Так что при поверхностном и быстром сравнении Ника проигрывала Элене Прекрасной даже не сто, а тысячу очков. Все это Малярский смущало. Смущало прежде всего потому, что Елена была с ним и с Калмышем необъяснимо мила.

То есть *почему именно* она была мила, как раз легко объяснялось самой Эленой – она преклонялась, по ее словам, перед талантом Калмышева как механика и перед талантом Малярского как художника. Но вот **ПОЧЕМУ ИМЕННО** это происходило, Малярский объяснить себе не мог. Однако, перебрав в голове все эпизоды из краткого знакомства с Еленой, Малярский сейчас уверился в одном: Елена Прекрасная приехала к ним в тот день просто так. Случайно. А значит, она не была их врагом.

Так же бездумно, как делал в последние часы все остальное, Малярский, находясь словно бы в каком-то наваждении, вытащил из кармана телефон и... набрал *ее номер*. Известный ему после общения в «наш-ангаре». С точки зрения логики, а уж тем более безопасности объяснить это сложно. Однако Маляр в последнее время собственные поступки не анализировал. Так уж сложилось, что после потери Калмышева и Ники никого ближе, чем Елена Прекрасная, у него попросту не осталось. Во всем мире. Ни одного человека.

Зуммер пошел.

* * *

Как догадался Малярыйкин, Лена панически боялась Шапронова.

Это было ясно без всяких домыслов и пояснений, ведь Леночка Распрекрасная импортировала не только товарищу Малярыйкину. А значит, ублюдку Шапронову следовало свою собственность беречь. Поэтому, коротко переговорив по мобильному и обо всем догадавшись, Лена велела Малярыйкину обойти ее дом вокруг. С черного хода выехал неброский автомобиль, приглашающе открылась дверца рядом с водителем. Спустя тридцать минут Малярыйкин и новая девушка его мечты сидели в «тайной» квартире, обсуждая будущее и прошлое.

– Вы во многом не правы, осуждая Шапронова в предумышленном убийстве, – заявила Лена, разливая по чашкам кипяток. – Командор неоднократно заявлял о своем желании убрать Юнгу из топ-списка «КТО» даже лично при мне. Возможно, он действительно привлек чехов для решения этого вопроса. Сыграл на увлеченности вашего друга Калмышева деньгами. Однако вряд ли Шапронов рассчитывал, что пострадает девушка Калмышева, Ника. Думаю, более вероятной жертвой должны были стать вы. Так что в некотором смысле Петр, вам повезло. Вы живы.

– Да уж, везение потрясающее, – прокомментировал Маляр вывод собеседницы. – Вот только что мне теперь делать? Наверное, как нормальный человек и мужчина, я должен мстить. Вот только смогу ли? Я никогда никого не убивал. Во всяком случае, по предварительному умыслу, специально. Перестрелки у «наш-ангара» случались часто. Возможно, кто-то из отморозков и ловил от меня пулю брюхом. Даже наверняка. После одной из перестрелок мы с Калмышем нашли за ангаром труп. В грязи. Голова была прострелена из моего обреза. Верхняя часть черепа была просто срезана, как кривым ножом. И внутри головы... внутри головы было пусто. Пыльно и пусто. Знаете, как в кастрюльке, которая долго валялась на улице. Страшное зрелище. И это я его убил. Ну, случайно. Просто стрелял, старался попасть. Я не знал, что убью... А вот так, чтобы специально... пойти и прикончить человека... С другой стороны, такие вещи нельзя оставлять безнаказанными!

– Нельзя.

– К тому же он ваш муж. Ну, спутник, товарищ.

Элена рассмеялась. Смех у нее был звонкий.

– Шапрон мне никто.

– Серьезно?

– Абсолютно. Нет, мы встречаемся с ним, конечно. Но по его собственному, весьма хамскому, заявлению, которое, кстати, он сделал публично, по время интервью, *это встречи без обязательств*. То, что мы вместе... скорее партнерство. Причем в большей степени деловое, да. Например, со своим знанием и опытом Шапронов помогает мне управляться с «Красными Танками Онлайн». Вы ведь знаете, я ведущая большей части топовых боев. А он хороший источник информации по этой теме. Что же касается меня, то я... тоже кое в чем ему интересна.

– И в чем же?

Элена огладила ноги под колготками, поправила волосы.

– А вот это, Петр, извините, не ваше дело. В общем, если вдруг вы решили, что можете Шапронову *отомстить*, это ваш личный выбор, и меня он не задевает нисколько. С некоторых пор командор Шапронов для меня действительно *никто*. И даже значительно меньше.

– То есть вы не против, если я его убью?

– Боже. А вы его убьете?

Малярыйкин смутился. Действительно, угроза убийства одного из воротил игровой мафии из уст нищего автомеха звучала убого.

– Не смейтесь. Я *попытаюсь* его убить.

– Как уже сказала – это ваш вопрос. Я не стану вам помогать в этом деле. Но не стану и препятствовать. У мужчин есть свой путь и свои способы следовать ему. У женщин – свой.

– Спасибо.

– За что?

Малярыйкин подумал.

– А вы знаете, все-таки за помощь. Если бы вы не приняли меня сегодня ночью, я бы, пожалуй, прямо с колес, прямо сейчас, полез бы к нему в дом с одной монтировкой или ножом. Не знаю, чем бы это закончилось...

– Ну, это не трудно предугадать. Раз такое дело... Вы вот что, не вздумайте настолько примитивно нападать на Шапронова. Если вы решили убить его – сделайте это умно. Лезть в особняк к Шапрону не то что с монтировкой, но с пулеметом – это чистой воды самоубийство. У него там и особые системы охраны, и сигнализация, и куча телохранителей. А знаете... вот смотрю я на вас и понимаю: вам до него не добраться. Никак. Вы слишком... сырой для таких попыток. Так что либо забудьте, либо...

Она махнула рукой.

Малярыйкин помрачнел. Столь низкая оценка его способности отомстить убийце друзей, прозвучавшая из уст красивой девушки, была неприятна.

– Вы сказали «либо», – напомнил он, – «либо» – это что?

Елена помолчала.

– Либо, – произнесла она, наконец, после почти минутной паузы, – либо вам следует убить его *официально*.

Малярыйкин не понял. Он покачал головой.

– Послушайте, я же не полицейский и тем более не тюремный палач. К тому же нет почти никаких доказательств. Я не думаю, что в полиции меня хотя бы выслушают, и потом...

– Да помолчите же наконец! – воскликнула Лена перебивая. – Убить Шапронова *официально можно*. И на первый взгляд – крайне *доступным способом*.

Поставив чашку с чаем на стол, она взяла пульт от стереовизора и нажала на кнопку. За спиной Малярыйкина вспыхнул монитор. Автомех обернулся. Ниже картинки, транслирующей один из старых танковых чемпионатов, сверкали три яркие буквы. Аббревиатура «КТО».

Это были «Красные Танки Онлайн».

Легально Малярыйкин мог замочить Шапронова только там.

Мочилово

Элена все делала крайне быстро. Предварительный (и тайный) просмотр Малярийкину назначили уже на следующий день. Но не на полноценной игровой арене, как было положено обычному пушечному мясу, а на древнем уродливом военном полигоне за границами Скай-бокса. Лена при Малярийкине назвала это место Ливаном – то ли с уважением, с большой буквы, как имя собственное, то ли издеваясь, – Маляр не уловил. Собственно, ему было все равно. Волнение, которое охватило его в тот день, он запомнил надолго.

В Ливане отработывался навык управления танками новой, недавно введенной и в премьер-лигу модели «Васп М3» (первый уровень общей классификации, корпус WASP, модификация третья).

Начиная с «Васп М1» (первый уровень общей классификации, корпус WASP, модификация первая) – начального типа этого знаменитого, но уже существенно устаревшего корпуса (как раз того самого, который предоставлялся пилотам-нубам бесплатно спонсорами игры), – боевая машина управлялась единственным пилотом. В «Васпе» третьей модификации, равно как и во всех традиционных танковых корпусах игры «КТО», указанная технологическая традиция сохранялась. Старые машины, сражавшиеся в реальных танковых войнах древности и ведомые в смертельный бой сплоченным танковым экипажем из двух, а то и четырех бойцов, канули в Лету. Сейчас на игровое поле катэошной локации выползал один игровой танк, и в нем сидел только один пилот-игрок. Впрочем, являлись ли пилоты игровых танков «КТО» всего лишь игроками – вопрос довольно спорный. Ведь сдохнуть или превратиться в инвалида на соревнованиях «КТО» можно было вполне по-настоящему. Как говорится, без дураков.

– Без дураков, – сказала Элена, осматривая корпус третьего «Васпа» и при этом, ни капли не стесняясь Малярийкина и короткой юбки, аппетитно нагибалась, дабы осмотреть часть днища боевой машины. – Нет, реально. Вроде ниче колымага. Попрет для старта. Не «Мамонт», естественно, но вы с «Мамонтом» и не справитесь пока. Согласны? Короче, Петр, вы начнете с нуля. С самых, как говорится, низов. В игре «КТО» вам прежде всего нужен опыт. Опыт!

И она воздевала вверх указательный палец, словно мудрый Аристотель перед древнемакедонским молодняком. Правда, в отличие от ситуации с Аристотелем, палец у Лены был длинный, ровный, красивый и с накладным ногтем, на котором тончайшей линией был выведен какой-то восточный иероглиф (вероятно, грязное китайское ругательство). Все это портило эффект нравоучения. Кроме того, Малярийкин сразу представил себе, как Элена кладет этот палец себе в рот. Зрелище ого-го!

– «Васп» – далеко не ноль, – блеснул эрудицией автомех, отгоняя грязные фантазии. – Это скорее полноценная, добротная единица. Спасибо вам за хороший старт!

– Это я вам, Петр, скажу «спасибо» за хороший старт. Если не сдохнете в этом корпусе в первый день, – отвечала Элена. – А насчет полноценной и добротной – это вы погорячились. Это же «Васп». Пусть третий, сильно прокачанный, но все же «Васп». – И она поморщилась, словно произнесла слово «мерзость».

– Значит, спасибо за *возможность* хорошего старта, – промямлил Маляр.

– Не сглазьте, дурачок, – рассмеялась Лена. – Все, давайте!

Познакомив Малярийкина со штатным вербовщиком полигона Ливан, Элена вскоре упорхнула. То ли на интервью, то ли на званый завтрак – чем заняты рано утром телевизионные дивы, Малярийкин не знал. Впрочем, по убедительной просьбе Элены Прекрасной вербовщик обязался ввести Малярийкина в курс дела. И выделить все имевшееся свободное время. Безусловно, это были «особые» условия для старта новичка в Скайбоксе. Сколько это стоило, Малярийкин предпочитал не задумываться. Денег у него не хватило бы при любом рас-

кладе. «Муравейку» он продал. Часть оставшихся денег все-таки спрятал в депозитарий. Вместе с оружием и кое-какими личными вещами. В качестве жилища Елена предоставила ему собственную «тайную» квартиру. Сама она проживала в особняке в Скайбоксе и, комментируя переезд Малярйкина в ее секретную недвижимость, недвусмысленно заявила: «Вы, Петр, меня совсем не стесните. Ведь я буду жить отдельно. Не переживайте!»

Откровенно признаваясь, Петр не переживал бы, даже если бы Лена стала жить вместе с ним и спать в одной койке. Наоборот, переживать в этом случае следовало ей.

Все шибко смущало Малярйкина по совершенно другой причине.

Мертвые Ника и Калмыш не являлись к нему во снах. Но думал он о них постоянно. Анализируя поворот судьбы, который провел его от распахнутых ворот «наш-ангара» с двумя трупами самых близких людей к ангару на полигоне Ливан, Малярийкин сначала недоумевал. Потом бесился. Потом снова недоумевал. Наконец, проведя значительное время в тягостных размышлениях, он все же согласился, что путь, который предложила Елена, являлся единственной альтернативой скоростижной смерти от рук охраны Шапронова или чехов. И мстить Шапронову следовало именно *так*.

Большую роль в принятии решения сыграло одиночество Малярйкина. После смерти Калмыша Лена казалась единственным человеком, с которым можно было... да хотя бы просто обсудить собственные переживания и мысли. Кроме того – давила ее внешность. Малярийкин откровенничал с Калмышевым. Никой – любовался. А вот с Леной можно было совмещать и то и другое. Дружить и хотеть. Как бы так.

Тайная квартира Элены была достойна Моссада и ФСБ. Была оборудована в лучших традициях старых добрых шпионских разборок прошлого века. В квартире, в спальне возле кровати – большой и двухместной, как положено койке женской обители (а может, даже четырехместной, если в рядок и поперек), стояла тумба с плоским компьютерным блоком. Блок украшали два монитора и рычажки. Вокруг квартиры, на лестничной площадке, в подъезде, на выходе, а также в арке и при въезде во двор таились видеокамеры. Таким образом, счастливый и хитрозашкеренный обитатель тайного жилища Лены мог контролировать все происходившее вокруг. Все подступы и все очуры. Всех, кто приезжает, уезжает, приходит и уходит. Изображение со «спального» блока безопасности можно было просматривать с ручных электронных часов или с телефона при подходе к дому. И при тревожных симптомах – во двор или в подъезд не входить. Кроме того, изображение могло сохраняться в памяти блока почти три месяца (квартал). Это значило, что видеозапись можно просматривать ретроспективно. Допустим, в воскресенье за всю неделю. На перемотке.

Зачем теледиве потребовалось все это шпионское великолепие, Малярийкин мог только удивляться. Выходит, такая у нее жизнь. Но Малярийкину все это подходило. Приближаясь к дому, он мог быть уверен хотя бы в том, что его не ждут возле двери отправленные Шапроновым бандюки.

* * *

Нанятый Эленой на полигоне «Ливан» вербовщик, седой ветеран, а теперь по совместительству наставник Малярйкина-танкиста, представился Тимуром Ивановичем Байбулатовым. Невысокого роста, крепкий, скромный, спортивный и молчаливый, с уверенным взглядом и татарской национальностью, Байбулатов производил хорошее впечатление. Очень добротное и надежное. Как киянка. Чуть позже Малярийкин выяснил, что этому впечатлению Байбулатов соответствовал вполне.

– Последние два года все желторотые сыкуны вроде тебя пытаются трахнуть чемпионов «КТО», выезжая в поле на картонном дерьме, – доступно пояснил Байбулатов, после того как Лена исчезла за воротами полигона, – юным игрокам выдают стандартные корпуса и дешевое

штатное вооружение. Одинаковое – всем. Бесплатно. Видать, так удобнейдохнуть. Но ты-то у нас буржуй, а? В первый бой покатишь, словно под венец, – на третьем «Васпе»!

Байбулатов был прав. Насколько знал Малярский, знойную машинку «для нуба» Лена не купила, а скорее арендовала. Так, бесплатно. Предварительные игры премьер-лиги организовывались в Скайбоксе некими спонсорами из ВТЭК. Спонсоры предоставляли нубам в основном халевные машинки. То есть стопроцентные гробики на колесах. Однако для самоубийц *с деньгами* существовали гробы более высокого уровня. Так говорила реклама, во всяком случае. За использование оных добрые меценаты из ВТЭК брали залог. В случае, если танкистдох, залогшел на ремонт. А вот похороны, как предписывали местные традиции гуманизма, осуществлялись за счет погибшего. Справедливости ради надо добавить, похороны были часто лишними. Затрат не требовали. Поскольку нечего было хоронить.

«Васп МЗ» был как раз «корпусом более высокого уровня». Относительно. Маляр знал, что в катэошной табели о рангах «Васп» вообще и «Васп МЗ» в частности пыхтит где-то в самых низах. Интересующие Маляра возможности модификации брони, орудия и дополнительных приспособлений – таких как автоматический постановщик мин, блок ускорителя движения, баллистический компьютер, ремонтный модуль и прочие фишки, бурно развивавшиеся на потоке денег, проходивших через сибирские «КТО», – в «Васпе третьем» благополучно отсутствовали. Но Маляр понимал: Лена сделала что могла. Даже залог за «арендованную» машину недешев. Какие уж тут претензии!

– Вижу, вы за меня рады, – откровенно сказал Маляр. – Спасибо!

– В одно место спасибо засунь, – по-прежнему дружелюбно ответил старик. – Вы все приходите сюда, строите из себя героев. Игра! Спорт! А мне потом кебаб из твоего ливера с сиденья отковыривать. Мотай на ус, что говорю. И не дерзи мне.

– Не вопрос, – заверил Малярский. – На ус мотаю, дерзить не буду. Вообще, думаю, вам со мной будет проще, чем с остальными. Во-первых, мне очень дорог мой ливер. А во-вторых, я знаю, что такое управление танком.

– Ай-гу! – Байбулатовмахнул-всплеснул руками. – Эту песню мне каждый первый из вашей братии поет. Из братии будущих запеченных трупов. Профессионалы! Танкисты! А следующим утром – в морг. Ритуальный моцион такой: трахнуть мозг старику Байбулатову, а потом пыхнуть в броне. В пепел! В уголек! Ай, ладно... Мне сказали прогонять тебя от азов. Так и будет. Готов ты?

– Готов.

– Надо отвечать: так точно! Распоясались, мля.

– Так точно! А скажите, давно вам Елена приказы отдает?

Байбулатов посерел. Открыл рот, чтобы разразиться матом. Но сдержался.

– Наш с Леной сюжет, сынок, тебя не касается, – впечатляюще гнусным голосом заверил он. – А еще раз откроешь рот по этому поводу, будешь учить себя сам. И как танк водить, и как хрен трочить. Сучонок. Все понял? Отвечать: Так точно, товарищ старший старшина!

– Так точно, товарищ старший старшина! – послушно гаркнул Малярский.

И Байбулатов погнал его по полигону. Старшина служил в округе без малого тридцать лет, опыт у него был офигенный просто. Машины он знал, как старый ловелас – устройство замужней женщины. Для Маляра, как и положено, знакомство с «КТО» началось с теории. Общие тактико-технические характеристики корпуса «Васп МЗ», устройство ходовой и силовой части, управление боевой машиной, управление вооружением. Но без учебников.

Выглядело все примитивно. По приказу наставника Маляр залез в танк. Байбулатов нацепил наушники и принялся гонять новобранца «по пульта», дрессируя относительно функциональности многочисленных рычагов, тумблеров, кнопок и гашеток. Здесь Малярский быстро убедил пожилого наставника, что понты в начале знакомства не были пустым блефом. Матчасть очередной «нуб» знал, что называется, назубок. Даже новую систему управления огнем,

совершенно неизвестную Малярйкину до сего момента, автомех освоил на лету. «Васп МЗ» действительно круто отличался от того, что они мастрячили с Калмышем. Что ж поделывать? Заводской корпус есть заводской. Даже старый. Машина была живее, форсаж резче, а оперировать башенным орудием, напичканным электроникой, проще и удобнее, чем во всех типах боевых аппаратов, с которыми Маляр сталкивался раньше, вроде древних помоечных серий типа «Т» или «А».

Автомех гнал «Васп третий» по полигону, нарезая кольца и поражая учебные мишени то в хвост, то в гриву. То есть иногда в десятку, а иногда в белеющий горизонт. Чаще в десятку. Однако вербовщик кривился и дул в усы. Парень оказался непрост, но результаты показывал так себе. Механик хороший. Машину знал. Новые системы осваивал быстро. Намеки схватывал с полуслова. Но как боец – явно не звезда. «Чаще в десятку» – тут не годилось. В десятку следовало бить всегда. Каждый раз. Во всяком случае, по *неподвижной* мишени, будучи в *целой* машине и разъезжая по *полигону*.

– Тебя Маляр зовут, верно? – спросил Байбулатов в микрофон. – Ну вот запоминай, Маляр, запоминай. Завтра на площадку локации против тебя выйдут девятнадцать соперников. Ты – двадцатый. Но у тебя будет преимущество. Ты – первый и единственный нуб, которому за сутки до боя дают познакомиться с локацией. С местом предстоящего боя. Запомни! В бою, хоть в первом, хоть в последнем, знание боевой машины имеет значение. Но не такое решающее, как кое-что другое. Ты должен знать местность, сынок. И взаимное расположение на ней всех крупных объектов. Топографию и рельеф. Поскольку в большинстве боев изучить *заранее* ты местность не можешь, запоминай в ходе боя. Каждую деталь! Цепляйся за все, что мозг посчитает важным. Стена. Курган. Холм. Низина. Обрыв. Река. Поворот улицы направо, девяносто градусов. Поворот улицы налево, шестьдесят градусов. В интерфейс машины вмонтирована интерактивная карта. Но глядеть на нее иногда не хватает времени. В схватке с серьезным противником не хватает даже долей секунд. Поэтому карту местности – более того, трехмерную *картину, проекцию* местности, ты должен рисовать в своей башке. Каждый миг боя. Каждый миг, без исключений. Одновременно управляя движением, одновременно управляя огнем... С накоплением опыта твой мозг будет делать эту работу автоматически, не задумываясь, без самого тебя. Но для этого надо выжить, сынок. Надо выжить. Ты разумеешь?

– Да, разумею. А разрешите вопрос, товарищ старший старшина? – развеселился «нуб», ничего не понимающий в итогах стрельбы, но в полном кайфе от собственной крутости.

– Разрешаю, сынок.

– Среди девятнадцати моих противников *завтра* есть кто-то приметный, при виде которого я должен ходить в штаны?

– Никого, о ком бы я слышал ранее, – заверил вербовщик.

Маляр кивнул, забывая, что Байбулатов только слышит его в наушниках, и помчался к дальним мишеням, «пристреливаясь» на ходу.

Обычной пристрелкой назвать это было нельзя, так как классическая «оптическая пристрелка» орудия производилась по неподвижной мишени из стационарной позиции либо по плавно движущейся мишени в позиции, при которой танк-стрелок двигался с постоянной скоростью либо постоянным ускорением. Во всех остальных ситуациях (то есть, в принципе, всегда вообще) «пристрелка» при движении являла собой не что иное, как пустой расход снарядов в «молоко». Но не в случае «Васпа третьего» с электронной системой наводки и сопровождения. Надо сказать, что, в отличие от ультрасовременных моделей игровых танков, заряды в «Васпе», конечно, не были самонаводящимися и не попадали в мишень автоматически при любых обстоятельствах. Но, в отличие от древней серии «Т», система управления огнем этой модели могла учитывать неровности местности и изменение положения самого танка-стрелка при ведении огня. Всего лишь благодаря паре гироскопов и датчику скорости. Не космическая технология, но управление огнем облегчало фантастически! А вот полноценно сопровождать

цели система наводки «Васпа», увы, не могла. Под громким и красивым словом «сопровождение» подразумевалась всего лишь способность вести цель поворотом башни. Вести плавно, с учетом колебаний гироскопа (то есть без учета неровностей местности в диапазоне почти до полуметра), но тем не менее вести *вручную*.

И все же «Васп третий» вызывал у Малярйкина скорее чувство восторга, чем разочарования. Управлять многотонной машиной можно было, как игрушкой, легко. Благодаря универсальной подвеске внутренняя рама и спрятанное в ней место «пилота» практически не подвергалось тряске. По изуродованной, пересеченной местности танк плыл как перо! То же касалось всего остального. Башня вертелась движением пальца. Отдачу при выстреле поглощали компенсаторы. Управлять новым танком комфортно и просто. Но главное – управление осуществлялось быстро. Маляр ликовал!

– Да я погляжу, ты живчик, – восхитился, глядя на все это безобразие, старший старшина.

– Ну да, пока снаряд в башку не прилетел, – пошутил Маляр, подразумевая под «башкой» башню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.